

Любовь — роскошь для цельных.
Сломанные должны выбирать боль.

ЯДОВИТЫЙ ПЛОД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иль Елиг

18+

Иль Елиг

Ядовитый плод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73152713

SelfPub; 2026

Аннотация

Матиас Сильва всегда жил с одной целью – выбраться из болота и жить хоть какой-то чистой жизнью, но никак не душой. Грязь прошлого, оставленная ему в наследство, он смывал всеми возможными способами.

И в самый ответственный день в его жизнь вошла женщина, ставшая приговором судного дня, от которого не сбежать.

Лий Байрон – идеальный фасад, внутри которого уже давно всё развалилось. Когда она нацелилась, чтобы сделать последний выстрел, она не знала, что ствол обернётся против нее.

Две сломанные души нашли друг друга в самый отчаянный момент. Станут ли они спасением или окончательным разрушением друг для друга?

Иль Елиг

Ядовитый плод

Пролог.

Если жизнь даёт тебе кислые лимоны – сделай из них лимонад.

Интересно... а что, если вместо кислых лимонов мне всегда доставались ядовитые плоды? Что, если я годами пила яд по капле, медленно убивая и разрушая себя?

Я просто не знала, что бывает иначе. Не знала, что жизнь не ограничивается этим стаканом смерти, который каждый день ставят перед тобой на стол. Я всегда была уверена: у меня нет выбора. Что это – единственное, что мне светит. Что по-другому просто не бывает.

И именно перед тем, как сделать последний глоток, я встретила его. Мужчину, который оказался слишком сладким. И слишком запретным.

Иронично. Иногда сладкий плод куда опаснее ядовитого. Он стал для меня надеждой – тем, что начало бороться внутри, разрушая привычный порядок.

Но была ли я готова к этому? Готова ли вычистить из себя яд, если он – единственное, из чего я когда-либо состояла?

Матиас Сильва – воплощение всего, о чём я даже не подозревала. Запрет. Риск. Соблазн выйти за пределы собственной тьмы. Мне хочется вкушать его снова и снова. И дать

попробовать себя.

Но я отравлена. И в этой истории нет безопасного исхода. Либо я стану его ядом. Либо он – моим противоядием. Либо мы спасёмся. Либо уничтожим друг друга.

Глава 1. Матиас

– Матиас, милый, опоздаешь на самолёт, вставай! – слышу сквозь сон голос бабушки.

– Ещё пять минут, Аба... – жалобно стону, уткнувшись в подушку.

– Как знаешь. Тогда считай, гонки отменяются.

Я мгновенно вскакиваю с кровати, едва услышав это. Мне нужно в Медельин – уже ночью гонка, после которой я наконец разбогатею.

Быстро принимаю душ, собираю дорожную сумку и иду на кухню, где меня уже ждёт накрытый стол. Подхожу и целую Абу в щёку. Как всегда, вместо того чтобы сесть и поесть, она с полотенцем на плече моет посуду и напевает свою любимую песню растениям на подоконнике.

– Может, ты всё-таки сядешь и позавтракаешь со мной? – дразню я. – Мало ли, вдруг не вернусь.

– Не смей так говорить, Мати! – возмущается она и шлёпает меня полотенцем.

– Шучу, шучу. Я от тебя никуда не денусь, – смеюсь, запихивая в рот бекон.

– Ты же знаешь, я всегда тебя поддерживала и никогда не встану между тобой и твоей мечтой. Но не скрою – очень переживаю и места себе не нахожу, пока ты не дома, – говорит она задумчиво, поливая цветы.

– Я же обещал: как только выиграю эту гонку, больше не вяжусь в подобное. Это мой шанс выбраться из этой грёбаной нищеты, – стараюсь не смотреть на неё, уже зная, как отреагирует.

– Прекрати называть себя нищим! – сердится она. – У нас есть крыша над головой, еда, одежда и даже гараж, где ты держишь своего Ястреба.

– Всё это не моё. Мы всё ещё в тени этой ш... – прикусываю язык, чтобы не расстроить её.

– Знаю, милый. Но ты с малых лет старался и вытянул нас из долговой ямы. Этого недостаточно? – с надеждой спрашивает она.

– Нет, Аба. Пора перейти на новый уровень и окончательно избавиться от прошлого. Клянусь, как только выиграю гонку, вернусь и первым делом куплю тебе дом с садом, – подхожу и крепко её обнимаю.

– До завтра, милый. Береги себя, – гладит она меня по голове.

– До завтра. Люблю тебя.

– И я тебя, милый, – улыбается она на прощание и добавляет: – Доминик снова не едет?

– Нет. Ты же знаешь, он не может. Будет в гараже с Яст-

ребом – придумал для него новые фишки, – потираю ладони в предвкушении.

– Ах вы, мальчишки, – смеётся она и провожает меня до двери.

Внизу меня уже ждёт Доминик на своей развалюхе. Как бы его ни уговаривал, он упорно отказывается менять машину, лишь добавляет к ней новые детали.

Я забираюсь внутрь и стучу его по плечу. Он кивает и заводит мотор.

– Не засиживайся в гараже, пока меня не будет. Позвоню, как только выйду из самолёта, – говорю, внимательно изучая его лицо.

Он хмурится и коротко кивает. Вздыхаю и отвожу взгляд на дорогу. Всё равно не послушает – наверняка проведёт ночь в гараже. Аба знает его характер и присмотрит за ним, пока меня нет. Из-за них двоих я редко уезжаю надолго. Но сейчас – мой шанс. Шанс выбраться из грязи и дать им достойную жизнь.

Мы доезжаем до аэропорта и выходим из машины. Тянусь, чтобы обнять его, но он отступает, качая головой. Чёрт, ненавижу, когда он так делает.

– Не волнуйся, Дики. Со мной всё будет хорошо, – успокаиваю его.

Он отворачивается, избегая взгляда. Поворачиваюсь и на-

правляюсь к входу, зная, что он не выдержит. Так и есть – через мгновение он подбегает и крепко обнимает меня, утыкаясь лицом в плечо. Я невольно улыбаюсь и взъерошиваю его волосы.

– Молись за меня, – тихо говорю напоследок и, не оглядываясь, иду внутрь.

Мне всегда трудно выдержать его взгляд. Каждый раз, когда уезжаю, он смотрит на меня так же, как в тот день, когда мы встретились впервые, семнадцать лет назад.

С тех пор я пытался стереть это выражение с его лица. Но не смог. У него те же шрамы, что и у меня. И никто их уже не излечит.

В самолёте мне досталось самое последнее место – прямо у туалета. Отлично блять.

Пока он постепенно заполняется людьми, замечаю, что рядом со мной никто не садится. Когда вижу, что больше никто не входит, и становится ясно, что все уже на местах, я довольно улыбаюсь: наконец-то полечу один и смогу хоть немного поспать. Лететь всего час, но мне этого хватит.

Но моя радость длится недолго. В последний момент кто-то вбегает в самолёт и закидывает багаж в отсек прямо над моим местом. Чёрт. Прощай, сон.

Я с интересом смотрю на опоздавшего – вернее, пытаюсь понять, кто это вообще. Ни пола, ни возраста не разобрать. Ростом максимум мне до ключиц, в огромном спортивном

костюме, который скрывает всё тело. Капюшон натянут, волосы не видно, на глазах массивные очки, на лице – маска. Кто вообще так одевается в такую жару?

Отлично: странный сосед, место у туалета, спинка кресла не откидывается – моё персональное комбо.

Но как только он – или она – садится рядом, я невольно вдыхаю лёгкий аромат, исходящий от соседа.

Нет, это точно не мужчина. Пахнет орехами, кофе и шоколадом. Слишком сладко. Проклятие, от этого запаха по коже пробегают мурашки.

Ладно, хоть один плюс – теперь туалет совсем не пахнет.

Я отворачиваюсь к окну и закрываю глаза. После вчерашних нервов спать хочется до безумия.

Вдруг вздрагиваю от голоса пилота в динамике и просыпаюсь. С ужасом понимаю, что моя голова лежала на макушке моего соседа, который с крайнего места переместился и теперь сидит рядом со мной.

– Какого... – прерываю себя, замечая, что он ещё спит. Голова наклонена ко мне и не двигается. Я даже не заметил, как уснул, в божественном запахе соседа. Любопытство берёт верх, и я наклоняюсь, чтобы разглядеть его лицо. Очки слегка сползли, и из-под них видны аккуратные тёмные брови и невероятно длинные, густые ресницы. Они настоящие? Не может быть...

Что ж, теперь хотя бы ясно: это не он, а она.

Когда самолёт приземляется, она резко дергается и роняет очки, потом, не поднимая головы, судорожно ищет их. Как только ей удаётся достать их из-под кресла, облегчённо вздыхает и надевает. Интересно, почему так нервничает – может, с лицом что-то не так, и смущается? Чёрт, мне сейчас не до этого. Нужно ехать и встретится с Амадо. Примерно представляю, кто будут мои главные соперники, но он сказал, что в этом году есть и новенькие. Мне нужно выиграть – кто бы ни встал у меня на пути. Это не просто страсть и не просто гонки ради пафоса. Это моё спасение от «их» тени...

Выходя из самолёта, невольно замечаю, что соседка идёт слишком медленно – слепому ясно, что она делает это нарочно. И на паспортном контроле оказывается последней в очереди. Блять, мне бы поспешить к месту назначения. Вместо этого строю из себя шпиона и наблюдаю. Подумаешь, она пахнет как рай – не повод заикливаться. Взмахиваю головой и бегу к выходу.

Помощник Амадо встречает меня, пожимает руку и ведёт к месту, где будет гонка. У меня слишком мало времени, чтобы проверить машину, которую он мне выделил. На кону слишком многое – нельзя ударить лицом в грязь. Это уже не первый раз, но я клялся, что это будет последний раз, когда я ввязываюсь в нелегальные гонки ради денег.

Ехали мы долго: такие гонки проводят там, где нет ни жиз-

ни, ни людей.

– Матиас. Привет, друг. Рад тебя видеть, – встречает меня Амадо.

– Здравствуй, – отвечаю, пожимая ему руку.

Ему нельзя доверять – тот ещё ублюдок, которого волнуют только деньги. Но мой выигрыш ему на руку. Я ещё ни разу не проигрывал, когда он делал ставки на меня.

– Покажешь моего монстра? – нетерпеливо спрашиваю.

– Ты будешь в восторге! – подмигивает он и ведёт меня вглубь заброшенного здания.

И когда вижу машину, которую он мне выделил, теряю дар речи.

– Тестаросса... – это всё, что успеваю выдать из себя.

Я замороженно подхожу и провожу по ней руками. Она в идеальном состоянии. Мать твою, это значит только одно.

– Она угнанная? – спрашиваю, поворачиваясь к Амадо.

Он громко смеется:

– Какая разница, дорогой? Ты участвуешь в нелегальных гонках. Не строй из себя святого – иди тестируй машину. Потом отдохнёшь. Вечером – вечеринка перед началом гонок.

– До гонок? – удивлённо переспрашиваю.

– Да. После гонок мне не до вечеринок – нужно прятать этих красавиц, – он указывает на машины и в спешке уходит.

На террасе пусто – пока никто не прибыл. Оно и не уди-

вительно. Все мои прямые конкуренты – богатые ублюдки, которым нужны адреналин, пафос и вкус запретного плода. Они появятся позже, на своих машинах. Остальные участвуют ради кайфа, не надеясь на особое место. А мне приходится из кожи вон лезть, чтобы хоть чего-то добиться.

Сажусь за руль своей мечты и, нажимая на газ, вспоминаю свою первую победу шесть лет назад.

Те удивленные лица всех, кто не ставил на меня, только потому что я был неизвестным новеньким.

С тех пор у меня было много побед, но все они ушли на то, чтобы расплатиться с долгами, которые мне оставили ещё в детском возрасте.

Жизнь – штука непростая. Я давно с этим смирился.

Знаю: я не первый и не последний сирота на этой земле. И далеко не единственный, кому пришлось несладко.

Но то, что я пережил, – это слишком. Слишком даже не для ребёнка – такого не должен проходить никто.

Горло перехватывает от воспоминаний, и я резко жму на тормоз. Откидываюсь на сиденье, весь в поту, тяжело дышу.

Если бы не Аба, а потом Дики – меня бы уже не было. Давно стал бы призраком. Моя единственная цель была – расплатиться с долгами и обеспечить спокойную жизнь для двух самых близких мне людей. Ровно до того момента. До того взгляда. До его взгляда. Мимолётное удивление и лёгкая ухмылка на его губах стали моим стимулом. Моей причиной идти дальше, делать каждый шаг. Должен доказать ему, что

я – не просто его случайная ошибка. Докажу, что я больше, чем его ожидания. Больше, чем он выдержит. Должен!

Уже вечер. Люди постепенно собираются, разбиваясь на группы и разжигая костры. Алкоголь, травка, музыка, дрифт и красивые женщины – печальный удел беззаботной молодёжи. Я вообще не вписываюсь в эту компанию. Мне уже 28. Аба говорит, что пора завести семью. Лучше отрежу себе яйца, чем впущу в свою жизнь женщину или, что ещё страшнее, заведу детей. Они – на одну ночь и один раз. Всегда. Никогда не нарушал этих правил. И сегодня, после победы, в постели со мной окажется одна, но проснётся тоже одна – как и все остальные. Будучи участником гонок, это моё единственное доступное удовольствие на сейчас. Поэтому сижу в сторонке, спиной к тусовке, покурываю сигару.

– Бенни, ты бы был злодеем, если бы мы были в сказке, а я мечтаю о принце, – слышу раздражающий женский голос сзади.

Иисусе, кучка малолеток. Но они – самый безопасный вариант, чтобы здесь слоняться: в других компаниях велика вероятность драки, где я оказался бы в главной роли. Обычно не против. Но сегодня – самая ответственная гонка в моей жизни.

– Возомнила себя принцессой? Ты не больше, чем средневековая шлюха, – отвечает мерзкий ублюдок.

И начинается бесконечный спор о том, кто кем был бы в

сказках. Мать вашу, куда я вообще попал.

– А ты какой принцессой была бы, новенькая? – никак не унимаются они.

– Я была бы рыцарем, – отвечает соблазнительный голос, и я резко оборачиваюсь. Но вижу лишь её удаляющуюся фигуру и длинные тёмные как уголь волосы. Мои ноги будто сами ведут к ней.

– Эй, Матиас, минутку. – Неожиданно появляется Амадо и отвлекает меня.

– Нашёл время, – говорю сквозь зубы и иду за ним.

– Нам нужно переговорить и подписать контракт до начала гонки, – садится он за свой стол в убогом офисе.

– Подписать? Что за фокусы? – врывается из меня раздражённый смех.

– Я поставил слишком многое на кону, мне нужна гарантия. Ты должен подписать бумаги, по которым будешь мне должен деньги, если проиграешь. Можешь отказаться – но тогда забудь о гонке, – стучит он пальцами по столу.

– Ублюдок! – делаю резкий шаг и хватаю его за шиворот.

– Тише, гигант, тише. Понимаю тебя, но и ты меня пойми. Либо так, либо никак, – пожимает плечами сукин сын.

Отпускаю его и со всей силы бью кулаком по столу.

– Бумаги – на стол! – рычу в лицо.

Он поспешно достаёт папку из шкафчика и кладёт вместе с ручкой передо мной. Я подписываю быстро, даже не читая. Злость охватывает всё тело.

– Я выиграю эту гонку и никогда больше не увижу твою ублюдочную рожу! Какой на хуй контракт, в нелегальных гонках?! – бросаю ему и выхожу, направляясь к машине. Скоро начнётся гонка.

Толпа уже собралась. Машины выстраиваются в ряд. Мои главные соперники с злобой рассматривают мою машину – прекрасно понимая, что какими бы богачами они ни были, такого им не светит. Да и мне тоже. Всё ещё не могу понять, как мудака Амадо достал эту машину. Новеньких почти не видно – вокруг одни знакомые лица. Злость бурлит в крови. Если проиграю, это будет главное фиаско в моей жизни. У меня нет выбора. Только победа.

Резкий рык мотора – и все оборачиваются. Рядом со мной на старте останавливается F40. Блять, откуда здесь такие машины? Водитель в капюшоне, лица не разглядеть, но по фигуре он кажется миниатюрным. Я ухмыляюсь и завожу мотор.

Полуголая девушка с флагом выходит на дорогу, и как только он взмывает вверх – рву с места. Здесь нет правил. Эти ублюдки будут пытаться подрезать, толкнуть, выжить с трассы. Я вырываюсь вперёд и не замечаю ничего вокруг, пока не вижу, как F40 мчится за мной, обгоняя и подрезая всех подряд. Что за хрень творится?! Из-за него уже несколько машин вылетели с трассы. Может, кто-то из моих старых соперников решил взять реванш?

Он то приближается, то отстаёт, держится за мной, как тень. Возможно, это отвлекающий манёвр. Я концентрируюсь на дороге. До финиша остаётся совсем чуть-чуть. Со всей силы давлю на газ и мчусь к победе.

Вот она – финишная прямая! Ещё несколько секунд и... F40 вырывается вперёд. Победа ускользает. Я проиграл.

Останавливаю машину. Тошнота подступает к горлу, дыхание сбивается. Я потерпел фиаско.

Глава 2. Матиас

Победитель исчез. Появился как призрак, отнял у меня победу, забрал деньги – и просто пропал. В самый ответственный момент моей жизни я снова проиграл. Снова остался ни с чем. Подвел Абу и Дики.

Сейчас сижу в запylённом гараже на старом диване и смотрю на Тестароссу, которую тоже подвёл. На такой машине нельзя было проигрывать. Лунный свет мягко льётся сквозь грязные окна, и всё вокруг кажется то ли сном, то ли кошмаром. Я уже осушил половину бутылки бурбона, чтобы не сойти с ума и хотя бы удерживать себя в руках, но злость и разочарование всё ещё жрут меня изнутри.

– Всё ещё грустишь, второй? – вздрагиваю от соблазнительного голоса, который кажется знакомым.

Ко мне с изящной, ленивой походкой подходит женщина. Нет – богиня. Такую нельзя называть просто женщиной. На ней чёрные кожаные брюки, обтягивающие её безупреч-

но стройные ноги, длинные чёрные шпильки, на которых она стоит так, будто весь мир принадлежит ей, и белый корсет без верха, подчёркивающий тонкую талию и пышную грудь. Длинные, прямые, чёрные как ночь волосы падают до бёдер.

Она делает ещё один шаг, и лунный свет открывает её лицо. Чёрт... человек не может так выглядеть. Ничего – и никого – прекраснее я не видел. Маленькое кукольное лицо. Пухлые губы в форме сердца. И, грёбанный дьявол, огромные глаза, светящиеся, как ночные фонари. Пантера в человеческом теле. Мне либо это снится, либо алкоголь вызывает галлюцинации.

– Нет, я не мерещусь тебе, второй, – произносит она с улыбкой.

– Второй? – переспрашиваю, сглатывая тяжело.

– Ну ты же стал вторым на гонках. Только тебе не кажется, что ты драматизируешь? Это всего лишь одна из гонок. Всегда можешь участвовать снова и выиграть. Не будь жалким, – наклоняется она, и наши лица оказываются напротив друг друга.

До меня доходит запах орехов, шоколада и кофе – тот самый запах, от которого у меня перехватывает дыхание. Я знаю этот аромат.

– Ты... та странная соседка из самолёта? – спрашиваю хрипло.

– Кто же знал, что мы встретимся вот так, да? Мир тесен, второй. Но не настолько тесен, как твои брюки сейчас, – про-

износит она таким голосом, что у меня встаёт, даже в моём состоянии.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю, не в силах оторвать взгляд от её губ.

– Хочу дать тебе кое-что получше, чем первое место, – поднимает она голову.

– И что же? – выдыхаю заворожённо.

– Себя, – тихо говорит она и начинает стягивать брюки.

У меня пропадает дар речи. Это не может быть реально-стью. Мой больной разум просто увёл меня в фантазию.

Она сбрасывает брюки, открывая вид на белые крошечные трусики. Потом снимает корсет. Член уже болит просто от одного её вида. Она садится ко мне на колени и берёт моё лицо в ладони.

– Хочешь меня трахнуть? – шепчет, касаясь губами моих губ.

– Не помню, чтобы я когда-то чего-то хотел настолько сильно, – честно выдыхаю и обнимаю её за талию, притягивая ближе.

Она улыбается – и становится ещё красивее. Стягивает с меня футболку. Когда наши голые тела соприкасаются и её мягкая грудь ложится на мою кожу, я протяжно стону и впи-ваюсь в её сладкие губы голодным поцелуем. Она отвечает так же отчаянно.

Блять. Я нарушил своё правило. Я не целую женщин. Ни-когда. Только грубый секс ради разрядки. Но она – больше

чем женщина на одну ночь. Сегодня она – спасение от моих демонов. Награда, которая стирает боль от проигрыша.

Пока наши губы пожирают друг друга, запоминая каждое касание, каждый тихий стон и вкус поцелуя, ни с чем не сравнимый, она приподнимается и возится с моими брюками. Я отрываюсь от её губ, тяжело дыша, и оставляю поцелуи на подбородке, шее, ключицах – и, наконец, добираюсь до манящих кончиков её мягкой груди. Она хнычет, когда я больно кусаю, и обнимает меня, притягивая ещё ближе.

Я целую, облизываю, кусаю каждый доступный участок её кожи. Теряю остатки рассудка, снова и снова – из-за звуков, которые она издаёт.

Не выдержав, отодвигаю её крошечные стринги и вхожу в неё сразу двумя пальцами. Она хнычет, впивается ногтями в мои плечи, пытаюсь удержаться. Я шиплю, делаю несколько резких, грубых движений – и ощущаю, как её тело откликается на мою хватку. Чёрт меня подери, она горячая, влажная, настоящая.

Я убираю пальцы и, сжимая её ягодницы, делаю резкий толчок. Она вскрикивает, царапает мои плечи, оставляя на них следы огня.

– Блять, как тесно! – выдыхаю, задыхаясь от накатившей волны.

Я замираю на мгновение, давая ей привыкнуть. Но она не ждёт – кусает меня за губу, облизывает, сама начинает двигаться, смело, жадно, издавая восхитительные, срывающие

дыхание стоны.

Мать твою... Блять!

Я встречаю каждый её рывок, резкими движениями подстраиваясь под её ритм. В какой-то момент мы теряем всякий контроль, движемся безумно, словно одержимые. Я рычу, обнимая её за талию, прижимая к себе. Она стонет, хныча, отдавая мне полный контроль. Я не помню, когда так было с кем-то. Дело вовсе не в физическом, а в эмоциях, к которым моя чёртова душа не была готова.

– О боже... – вырывается у неё, когда накатывает волна освобождения. Она дрожит, целует меня, хаотично двигается, ловя каждый миг. Каждое её движение, каждый звук разрывают меня изнутри. Я чувствую, что на грани, готов взорваться, теряю остатки самоконтроля.

Делаю ещё несколько резких, отчаянных толчков и взрываюсь, прорывав все ругательства, которые знаю. Всё внутри горит, ревёт, и мир сужается до этого одного, безумного момента.

Закончив, мы сидим в обнимку, пытаюсь восстановить дыхание. Бурбон берёт своё – силы стремительно уходят, сознание уплывает. В этот момент она поднимается с меня и начинает одеваться. Я молча наблюдаю за её изящными, уверенными движениями. Хоть бы всё это оказалось сном... Я не готов принять мысль, что могу больше никогда не увидеть эти неземные глаза.

Она заканчивает одеваться, затем снова наклоняется ко

мне. Внимательно изучает моё лицо, тихо вздыхает и начинает поправлять мои брюки.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя нашли полуголым и таким уязвимым, верно? – мягко улыбается, и её лицо становится ещё милевиднее.

Потом помогает мне натянуть футболку. От её заботы ком подступает к горлу – обо мне так не заботился никто. Никогда.

– Перестань жалеть себя. Бери от жизни всё, что она даёт. А если не даёт – вырывай когтями, – шепчет, касаясь моих губ лёгким прощальным поцелуем.

Она разворачивается к двери.

– Стой... – выдыхаю едва слышно, ощущая, как туман сознания накрывает меня. – Скажи хоть, кто ты...

Она оборачивается, усмехается уголком губ:

– Первая.

И исчезает.

– Матиас? Матиас! Просыпайся, здоровяк, – слышу противный голос Амадо и со стоном открываю глаза. Чёрт, как же раскалывается голова.

– Просыпайся, везунчик. Сам бог услышал тебя. Или дьявол, – он хлопает ладонью прямо перед моим лицом.

Я приподнимаюсь, тру виски, пытаюсь хоть немного прийти в себя. В этот момент он ставит к моим ногам сумку, набитую деньгами. Я вскидываю на него взгляд, бровь сама под-

нимается.

– Победитель отказался от первого места и уступил его тебе. Поэтому деньги переходят тебе – как обладателю второго места, – взволнованно объявляет он и тут же отходит к столу, будто боится моей реакции.

До меня ещё не до конца доходит, что происходит.

– Вот документы на Тестароссу. Она сказала, что это компенсация за моральный ущерб, – он бросает папку прямо к деньгам.

Я резко вскакиваю на ноги, забыв о боли и похмелье.

– Она..? – хрипло спрашиваю.

– Да, та самая пантера, что обогнала тебя. Шикарная кошка. Но странная. А такие меня пугают.

Сердце бешено колотится. Фрагменты прошлой ночи вспыхивают один за другим. Она была настоящей? Это всё мне не приснилось? Первая... Так она сказала, уходя. Значит, имела в виду свою победу.

– Подожди... Просто какая-то новенькая незнакомка оставила мне приз и... машину? Но разве машина не твоя? – недоуменно смотрю на него.

– Ты же знаешь: чтобы впервые участвовать в гонках, нужен залог. Поэтому она и презентовала эту машину. И учитывая, что сама ездила на F40... малышка чертовски богата.

– Что она ещё сказала? Кто она? Как её зовут? Где она сейчас? – волнение и странное предвкушение накрывают меня.

– Полегче, здоровяк. Я не знаю, кто она. Документы мы

не требуем. Вчера после гонок она подошла ко мне и сказала, что ей не нужна победа и деньги. Что она просто ловила адреналин. И из-за того, что отняла у тебя первое место, подарила машину как компенсацию. Да, я тоже офигел. Но к утру уже успокоился – учитывая, что теперь ты победитель, и я снова в плюсе, – он мерзко улыбается.

Я опускаюсь на диван, и мысли в голове несутся хаотично. За один день я пережил больше, чем за последние десять лет. Трижды столкнулся с женщиной, которая меня победила. Случайность? Теперь я понимаю, почему она так странно вела себя в самолёте и в аэропорту – старалась не привлекать внимания. Второй раз я услышал её голос у костра и увидел удаляющуюся спину. А потом... она сама пришла ко мне.

Нарушила все мои правила. Перевернула мой мир, подарив мне самую лучшую ночь в моей жизни. И оставила деньги утром – как будто я дешёвая шлюха. Хотя, учитывая сумму, явно не дешёвая.

Из груди вырывается смех – резкий, громкий, до боли в рёбрах. Так вот почему она сказала: «Бери всё, что жизнь даёт. А если не даёт – вырывай когтями». Чёрт.

Тестаросса. В моём распоряжении – Тестаросса.

Но сначала... мне нужно её найти. Потому что такая щедрость – за гранью понимания. И, да, это задевает мою гордость. Какая бы богатая она ни была, она выиграла. Победа – её. Деньги – её. Машина – её.

Мне не нужны подачки.

Глава 3. Лий

– Лий, дорогая, дедушка зовёт тебя. Почему ты всё ещё не спустилась на завтрак? – бабушка, как всегда, врывается в мою спальню, будто личное пространство – это миф.

Застав меня за делом, она привычно морщит нос и тяжело вздыхает:

– Дорогая, ну зачем ты опять сама это делаешь? Сколько раз можно говорить? Ты можешь пригласить лучших мастеров, они всё сделают так, как ты хочешь.

– Бабушка, – поднимая взгляд, – я сама могу делать себе педикюр. Как, по-твоему, нормально тыкать своей ногой кому-то в лицо? И мне плевать, сколько это стоит и что это услуга. Я не могу и не хочу. У меня есть руки, и этим буду заниматься я. Господи, не верится, что мы всё ещё это обсуждаем. Ну хватит уже. Просто стучи, прежде чем входить, и ты этого не увидишь.

– Всё-всё, только не злись. Бабушка просто хочет лучшего для своей принцессы. Я лишь пытаюсь облегчить тебе жизнь. Если тебе так нравится – пусть будет так. Ты скоро закончишь? Дед хочет о чём-то спросить. Сказал, что это важно и срочно.

– Дай мне десять минут. Как только лак высохнет, я спущусь, – бурчу, внимательно рассматривая ногти.

Она выходит, и я с облегчением плюхаюсь обратно на кровать, раскинувшись и дожидаясь, когда лак наконец высох-

нет. С тех пор, как я вернулась из Колумбии, они не дают мне покоя – спрашивают, где была, что делала. Хоть бы уже привыкли, что на одном месте я не сижу.

Хотя на этот раз их беспокойство я понимаю. Но они знают меня лучше всех – знают, что я не успокоюсь, пока не добьюсь своего.

Спустившись на завтрак, я обнаруживаю, что мои ягоды и кофе уже ждут меня. Что ж, хотя бы с моим выбором завтрака они смирились и больше не пытаются накормить меня чем-то другим.

– Как чувствует себя самый красивый мужчина на свете? – чмокаю деда в щёку и обнимаю за плечи, пока он внимательно изучает документы перед собой. Он кладёт ладонь на мою щёку и целует меня в макушку в ответ.

– Откуда ему знать? – язвительно вмешивается бабушка.

– Ну ба, ты что. Посмотри на деда – он же эталон мужественной красоты.

– Хватит льстить эго этого старика, он и так высокомерный. И я до сих пор не могу поверить, что ты унаследовала это именно от него, – отрезает она, садясь на стул и бросая на деда презрительный взгляд.

Да, они снова в ссоре. А значит, сидеть дома сегодня я точно не буду.

– Деда, бабушка сказала, что ты хотел меня о чём-то спросить, – говорю я, запихивая в рот горсть голубики.

– Да, принцесса. Я рассматриваю новые земли, на которых

мы будем строить отель. Мне нужно, чтобы ты посмотрела и сказала своё мнение. Как тебе местность? – он выкладывает передо мной чертёж и фотографии участка, который собирается купить.

Я внимательно изучаю документы, затем поднимаю взгляд на деда, прищурившись.

– Скажи, дедушка... Кто выбрал это место? Кто посоветовал? Сначала ответь, а потом я скажу, что думаю.

Он снимает очки, переплетает пальцы и тяжело вздыхает, уже предчувствуя, что услышит.

– Леон, – коротко отвечает он.

Я закатываю глаза.

– Ну конечно. А кто же ещё мог. Деда, скажу коротко: этот засранец тебя наёбывает.

– Язык, принцесса! – немедленно вмешивается бабушка.

– Так ты скажешь нам, что же не так? – уточняет дед, прищурившись.

– Скажу. По факту и по закону ты можешь приобрести эту землю. Но она – неприкосновенная. Менять, трогать, строить – ничего нельзя. Ты можешь владеть, но не можешь пользоваться. Это как брак по расчёту: по документам вы муж и жена, но не трахаетесь.

– Он меня до инсульта доведёт... – дед потирает виски.

Бабушка только фыркает. Она никак не может смириться с тем, что у меня «грязный язык».

– Этот сопляк не перестает строить козни против меня, –

скрежещет зубами дед.

– А почему ты продолжаешь с ним работать? – поднимаю бровь. – То, что он твой внук, не значит, что ты обязан с ним сотрудничать. Просто пошли его и найми нормальных сотрудников.

Я откусываю ягоду и качаю головой.

– В кого же он такой? – вмешивается бабушка, вздыхая. – Он ведь умный, рассудительный... Почему такой расчётливый, холодный, всё время пытается пакостить, вытащить выгоду из всего? Чего ему не хватает?

– Вот и я думаю, в кого он таким уродился, – дед стукнул кулаком по столу. – Ни у твоих родителей, ни у твоей тёти, ни у её детей такого характера нет. В кого же он пошёл?

– В сторону отца, – тяжело выдыхает бабушка. – Вернее, в его никчёмных родственников. Твой отец не такой, но все остальные... те ещё мерзавцы. Хватит со столом ругаться, – одёргивает она деда.

Он снова вздыхает, берет чашку чая и смотрит на меня теплее.

– Хорошо, что ты у меня такая умница и всезнайка. Что в своё время ты всему обучилась. Не знаю, что бы я без тебя делал. Если бы не ты – я бы, наверное, уже давно разорился с этим твоим братом.

– Хватит приbedняться, дед, – хмыкаю, отпивая кофе. – Ты не разоришься, даже если тебя обокрадут все мошенники мира. Со своей простотой ты иногда забываешь, кем мы

являемся.

– Так, – не выдерживает бабушка, – ты расскажешь нам, где была и что делала? – не отстаёт.

– Я была в солнечной Колумбии. Просто отдыхала. Вы же знаете, что я люблю путешествовать. Почему стали такими настырными с этими вопросами? – бросаю на неё недовольный взгляд.

Бабушка сжимает пальцы, хмурится:

– Не хочу поднимать больные темы... но после всего, что пережила, ты слишком спокойная. И слишком резко изменилась. Поэтому я волнуюсь.

– Хватит. Не продолжай, пожалуйста, – прошу тихо. Ком подступает к горлу. Только этих воспоминаний мне и не хватало. – Я хожу к психотерапевту, пью всю эту дрянь, что они выписывают. Со мной всё в порядке.

– Твой психотерапевт недоволен тобой, – вмешивается бабушка.

– Я же пациент. Какая разница, доволен он мной или нет? – хмурюсь. – Как он вообще может быть мной недоволен?

– Потому что ты ему не открываешься. Ты просто издеваешься над ним целый час и уходишь. Уже полгода ходишь, а ни одного серьёзного разговора так и не было. И да, он ничего нам не говорил – не имел права. Просто... дал понять, что не может до тебя достучаться. Поэтому мы решили поменять тебе психотерапевта. Нашли человека, который смо-

жет подобрать к тебе ключ.

– Ох вот оно что, – я громко смеюсь. – Теперь всё ясно. – Жаль, что я так быстро вернулась. Нужно было задержаться в Колумбии подольше... подальше от всех вас, – злюсь я, поднимаясь из-за стола.

– Принцесса, не нужно... – начинает бабушка.

– Пожалуйста. Просто оставьте меня в покое. Со мной всё в порядке, – быстро произношу и выхожу из гостиной.

Стоило мне выйти на крыльцо, как я поняла: это была самая большая ошибка на сегодня. Нужно было уходить через чёрный вход. Потому что к нам, во всей своей величественной театральности, идёт моя мать. Как всегда – без предупреждения. Это она унаследовала от своей матери, моей бабушки, на которую, впрочем, ни капли не похожа.

Мы, как всегда, проходим мимо друг друга – как совершенно посторонние люди. Даже незнакомцы, случайно столкнувшись на пороге дома, хотя бы поздоровались бы... Но только не мы. Мы – кто угодно друг другу, только не мать и дочь. И что бы я ни пережила, для неё этого всегда недостаточно, чтобы проявить хотя бы тень участия.

– Твой отец хочет тебя видеть. Поезжай к нему в офис. Только не домой. Там ты портишь мне настроение, – говорит она мне в спину.

В груди что-то рвётся. На меня накатывает истерика, и я просто бегу в сторону леса. Да, у нас на участке – целый лес.

Я забираюсь на своё любимое дерево, откуда видно и

особняк, и дедов кабинет. Он всегда оставляет окна открытыми – любит работать, глядя на природу.

И, конечно, моя мать уже там. Расхаживает по кабинету, машет руками и что-то выговаривает ему.

Я прекрасно понимаю, о чём она. Её бесит одно: что они любят меня и лелеют больше, чем её. Что когда она отказалась от меня, они стали мне домом. Вот что её разъедает. Она ненавидит, когда кто-то не пляшет под её дудку – ведь, по её убеждению, существует всего два мнения: её... и неправильные.

Чем дольше я наблюдаю за матерью, тем сильнее во мне поднимается злость. Поэтому спускаюсь с дерева и направляюсь к своему домику – тому самому, который дед построил для меня в далёком детстве. Моё убежище. Моё единственное место тишины. Моя крепость, где я могу быть одна. А я хочу быть одна всегда.

Поднявшись на крыльцо, захожу внутрь и сразу направляюсь к своему тайнику – к тому самому, о котором никто не знает. Ни о тайнике, ни о ноутбуке, спрятанном внутри. Это я продумала сама, заранее. Я слишком хорошо знаю свою семью: они следят за каждым моим шагом. Их гиперопека немного ослабла, но недостаточно, чтобы дать мне настоящую свободу.

А пока у меня нет свободы – я не найду его.

Но я найду. Рано или поздно. Я доберусь до своего врага. Если бы семья помогала мне, всё давно было бы закончено.

Но я понимаю, почему они так поступают. Понимаю и... не принимаю. Их мотивы – страх за меня. Мои – куда глубже и сильнее. Поэтому пока что я делаю вид, что смирилась с их контролем. Но как только почувствую необходимый простор – начну действовать.

Я открываю ноутбук и просматриваю письма от людей, которых наняла анонимно. Пусто. Ни единой новости. Ни одного намёка. Но это неудивительно. Он не тот, кого можно найти быстро. Поэтому мне нужно скорее вернуться в Колумбию. К своей надежде. К своему прорыву. К ключу, который может привести меня к успеху. Мне нужно вернуться к Матиасу Сильва.

Глава 4. Матиас

Не верю ни в судьбу, ни в везение. С учётом той жизни, что выпала мне, удача – точно не моя спутница. Но два месяца назад я всё-таки решился взять деньги и попробовать переломить свою реальность. Наконец вырваться из её тени... только облегчения так и не нашёл. Мысли о том, что я был вторым на гонках и что этот приз мне не принадлежит, до сих пор разъедают меня изнутри. В тот день я заставил Амадо поднять на уши всех, кто хоть краем глаза видел ту гонку. Он писал при мне, звонил каждому, кому мог, срывал голос, – но результат был один: пустота. Никто не знал, кто она. Те немногие, кто успел на неё взглянуть, называли её молчаливой стервой с высокомерным взглядом. Мы оба ре-

шили, что это просто богатая авантюристка, которая вышла «поймать кайф» и исчезла так же внезапно, как появилась.

Я могу найти объяснение любой странности той ночи. Любой – кроме одной. Почему она пришла ко мне? Почему переспала со мной? Почему заботилась, будто знала меня? И почему сказала ту фразу, что перевернула мой внутренний мир? Она стала спасением, о котором я не просил. Ангел... или искушитель, посланный из ада. И с той ночи у меня лишь одно желание – увидеть её снова.

Чьё-то касание на плече выбивает меня из мыслей. Я резко оборачиваюсь – передо мной стоит Дики, нахмуренный, внимательный, слишком уж внимательный.

– Что-то случилось? – спрашиваю.

Он жестами отвечает:

– Я уже двадцать минут тут, но ты даже не заметил. Всё нормально?

– Да. Просто... внимательно изучал машину, – вру я.

Он смотрит прямо, не моргая. Ему трудно меня обмануть – но мне ещё труднее обмануть его.

– Ты изменился с тех пор, как вернулся с деньгами и машиной, – показывает он. – Ты получил то, ради чего жил. Но не выглядишь счастливым. Постоянно где-то в своих мыслях.

– Всё хорошо, Дики. Просто не верю, что это всё действительно закончилось. Сам знаешь... Нужно время, чтобы привыкнуть, – говорю спокойно, будто убеждаю не его, а самого

себя.

Он тяжело вздыхает, делает жест:

– Аба зовёт тебя на ужин.

– Понял. Сейчас приму душ и поднимусь.

Он ещё пару секунд изучает моё лицо, словно ищет трещины. И уходит – не поверив мне ни на грамм.

Абе и Дики я так и не рассказал, что на тех гонках произошло на самом деле. Я соврал, что победил. Что спонсоры, мол болевшие за меня, подарили мне машину, на которой я «выиграл».

Мы целый месяц колесили по Боготе в поисках дома, который понравился бы Абе. Она нервничала, переживала, убеждала меня, что дом должен выбирать я – молодой, мол, семья будет, мне и жить. Но я стоял на своём. Примерно знал, о чём она мечтает.

Когда она увидела тот дом, по её глазам я сразу понял – это он. Сейчас у нас двухэтажный дом в хорошем районе Боготы. Первый этаж можно считать полностью её владением: кухня, где она готовит с утра до вечера; гостиная, утопающая в её растениях; её комната; маленькая библиотека; и, конечно, сад, за которым она ухаживает, как за ребёнком. Даже небольшой бассейн есть – Дики любит плавать.

Выделил ему комнату на втором этаже, но он наотрез отказался там жить. Его демоны тяжелей моих.

Я наконец открыл собственную автомастерскую – ту самую, о которой мечтал всю жизнь. Она всего в двух шагах от

дома. Мы с Дики работаем там вместе, но иногда попадаютс
машины, с которыми могу справиться только я. Тогда чиню
их уже в домашнем гараже – в основном ночью.

Спускаюсь в подвал – там у меня маленький тренажерный
зал и душевая. После душа поднимаюсь в дом, и меня сразу
встречает запах свежей еды.

– Милый, ну ты же знаешь, когда у нас ужин. Хоть по ве-
черам не засиживайся в своём гараже, – ворчит Аба, ставя
еду на стол.

Дики хмурится на меня, нетерпеливо постукивая пальца-
ми.

– Извините, не заметил время, – выдыхаю я.

Пока Аба без умолку болтает о своём, Дики внимательно
слушает, иногда кивая. А мои мысли снова уносят меня к
пантере с самыми красивыми глазами в мире.

Проклятие. Я не должен заикливаться на женщине. И
вряд ли когда-нибудь увижу её снова. С тех пор у меня не бы-
ло женщин. Да, времени особо и не было на развлечения...
но если честно – мне и не хотелось никого. И именно это
пугает больше всего.

Телефон прерывает мои мысли.

– Слушаю, Нико, – отвечаю.

– Матиас, дружище! Мы сегодня идём в клуб. И не в ту
подвальную помойку, куда нас обычно заносит, а в один из
самых престижных. У моего друга детства день рождения,
его папаша снял клуб на всю ночь. Он сказал, что могу по-

звать кого хочу. Бери Дики и приезжай. И без отказов, босс, – выпаливает он и отключается.

Он мой работник. Хороший, толковый парень. Только я так и не понимаю, почему он, имея такие связи, работает на меня.

– Что сказал Нико? – спрашивает Дики жестами.

– Зовёт нас в клуб, – вздыхаю я.

Я был там пару раз. Такие места – не для меня. Разве что... найти секс на одну ночь.

– Иди, – говорит Аба. – Ты два месяца глаз не смыкал, всё работал. Расслабься хоть раз.

– Нет, я...

– Аба права, – жёстко показывает жестами Дики. – И если ты не пойдёшь из-за меня – я обижусь. Ты не обязан сидеть дома только потому, что я не выхожу. Ты заслуживаешь отдых.

Они так сверлят меня взглядами, что я просто поднимаю руки в капитуляции. Мы все трое смеёмся.

Ладно. Если не понравится – уеду.

Беру Тессу и выезжаю. Нико уже прислал адрес.

Когда подъезжаю к клубу и оставляю Тессу на стоянке, понимаю: она идеально вписывается в этот район, в эту роскошь... в отличие от меня. Да и не нужно. Я уже получил всё, что хотел от жизни – свободу.

У входа набираю Нико, и через минуту он выходит встречать меня. Чёрт... здесь слишком шумно. Воздух пропитан

дорогим алкоголем, сладкими духами и запахом больших денег.

– Развлекайся, как хочешь, босс. Сегодня алкоголь бесплатный для всех. И девушки тоже, – ухмыляется он, подмигивает и исчезает в толпе, пританцовывая.

Да, девушек здесь действительно много. Красивые, ухоженные, почти одинаковые – и по их лицам невозможно понять, кто гость, а кто здесь «по работе».

Я беру бурбон у бармена и направляюсь вглубь клуба, оглядывая пространство. Мне нужно просто наблюдать. Если взгляд зацепится за кого-то – подойду, предложу, увезу... если она будет согласна. Блять, только пьяных девиц терпеть не могу. Сам люблю выпить, но не до состояния зомби.

Проходит несколько часов. Нико то и дело находит меня, знакомит со своими друзьями, тянет в разные компании. Моё терпение уже на исходе – но никто так и не зацепил. Ничего. Пустота.

Я растворяюсь в толпе, надеясь наконец найти кого-то и просто уйти вместе. Если не найду – чёрт с ним, уйду один. Это точно не тот вид отдыха, от которого я получаю удовольствие. Здесь всё только давит – напряжение, злость, усталость от чужих лиц и чужой энергии.

– Ты здесь один, сладкий? – вдруг спрашивает женский голос, и рука цепляется за мой локоть.

Я оборачиваюсь. Высокая блондинка с хищной ухмылкой скользит по мне взглядом. Я лишь коротко киваю, даже по-

что удовлетворённый своим «везением». Мне нет дела до того, кто она, как её зовут и чем она живёт. Всё равно – это лишь ночь. Её личность не имеет никакого значения. И достаточно того, что она сама подошла.

– Тут рядом есть хороший отель. Пригласишь меня? – она проводит по моей руке своими до ужаса длинными ногтями.

– Пойдём, – отвечаю я и беру её за руку, увлекая за собой. Может, после секса моё отвратительное настроение хоть немного сдвинется с мёртвой точки. Всю жизнь я думал, что когда наконец получу свободу и избавлюсь от следов прошлого, смогу расслабиться и жить по кайфу. Но нет. Да, внешне я свободен. А внутри... внутри поселились новые демоны, о которых я даже не подозревал.

Она идёт впереди, покачивая бёдрами, заманивая, будто стараясь разжечь хоть искру. Но чёрт бы меня побрал – меня ничего не цепляет. Никто не цепляет.

Однажды Амадо сказал: «Когда попробуешь лучшее – всё остальное уже не кажется привлекательным». Тогда я послал его к чёрту. А теперь понял – этот сукин сын был прав. После пантеры с её неземными красивыми глазами все остальные кажутся слишком обычными. Слишком тусклыми. Они меркнут рядом с ней – будто мир стал другим, а я всё ещё пытаюсь жить по старым правилам.

И я уже понимаю головой и чувствую каждой клеткой, что бы эта блондинка ни предложила мне сегодня, я не испытаю даже половины того, что чувствовал с ней.

С той, чьё имя я даже не знаю. И ненавижу себя за эти мысли. Должен радоваться, расслабляться, жить... Но веду себя как безмозглый ублюдок, цепляясь за призрак, который однажды перевернул мою жизнь.

Мы выходим из клуба, и я веду блондинку к машине.

– Куда направляешься, шлюха? – вдруг слышу за спиной противный голос.

Я разворачиваюсь. Блондинку за локоть хватает какой-то урод с омерзительно злым лицом.

– Отвали от меня, урод! Ты сам сказал, чтобы я нашла себе развлечение – вот я и нашла. Посмотри, он в сто раз лучше и красивее тебя.

Она демонстративно становится рядом и цепляется за мою руку.

– Мне не нужна чужая вещь, – рычу я и дёргаю руку, освобождаясь.

– Кого ты там вещью назвал, ублюдок? – Он бросается на меня раньше, чем я успеваю среагировать. Удар попадает в челюсть и рассекает губу.

Я хватаюсь за челюсть, закрываю глаза, пытаюсь просто досчитать до десяти. Потому что если я сейчас начну его бить – живым он отсюда не уйдёт. Я прекрасно знаю себя в таком состоянии.

– Иди сюда, шлюха! – он хватается за волосы блондинки, и у меня окончательно срывает крышу. Мои демоны прорываются на поверхность. Такие сцены были частыми гостями

моего прошлого – того самого, которое я так отчаянно пытался закопать глубоко внутри.

Я хватаю ублюдка за шиворот и со всего размаху бью его головой в нос. Он валится на асфальт, и я тут же обрушиваю кулак ему в лицо.

– Сукин сын... тебе никто не объяснил, что женщин трогать нельзя? Ты либо удерживаешь рядом свою женщину, либо не смей к ней прикасаться! – рык срывается из горла, и я бью снова. И снова. Я не останавливаюсь. Блондинка пытается оттащить меня за руку, но её сил смешно мало.

В какой-то момент – когда мозг уже полностью в тумане, а в глазах красная пелена – подбегает Нико со своими друзьями. Они вцепляются в меня и силой оттаскивают назад. От того парня на асфальте остаётся кровавое месиво. Он стонет, держась за лицо. К нему подбегают ещё люди, поднимают на ноги. Нико и двое его друзей удерживают меня – и я почти ничего не вижу, не слышу. Только ярость. Только желание закончить то, что начал. Потому что такие уроды не должны жить на этой земле.

– Я тебя по судам затаскаю, Мудак! – орёт он, пытаясь сделать шаг ко мне. Даже в таком состоянии. Жалкий ублюдок.

– Не затаскаешь. Учитывая, чем ты сам занимаешься, Мигель, тебе самому придётся по судам бегать. И по тюрьмам тоже, – бросает ему Нико.

Парень резко бледнеет – даже сквозь разбитую рожу видно, как его прошибает страх. И он, скрипя зубами, отступает

назад. Если Нико его узнал – значит, ему действительно есть чего бояться.

Я тяжело дышу. Единственное, чего хочу – убраться отсюда к чертям.

– Босс... с тобой всё в порядке? – осторожно спрашивает Нико.

Я молча дёргаю руку, высвобождаясь, и направляюсь к своей машине. Мне нужно просто исчезнуть. Немедленно.

Я приезжаю к охраняемой резервации и оставляю машину подальше, в тени деревьев. Знаю: если меня тут поймают, неприятностей будет больше, чем я сейчас способен вынести. Но ноги сами ведут меня по старому, почти заросшему тайному пути. К реке. К тому самому месту, где мы с Дики впервые встретились. Когда-то, давно, я приходил сюда часто. Иногда один. Иногда с ним. Мы брали наше любимое бухло, садились у воды и вспоминали тот день – тяжелый, переломный, тот, который навсегда связал нас обоих. И приходили сюда только ночью. Когда даже охрана ленится делать обходы. Когда здесь остаются только природа, тёмная вода и птицы, чьи голоса одновременно пугают и странно успокаивают.

Я выбираюсь к самому краю реки и присаживаюсь, будто опуская на землю весь груз своей спины. Глубоко втягиваю воздух, холодный и чистый.

Почему, чёрт возьми, всё не так? Почему внутри – беско-

нечный вой? Почему я не могу успокоить собственную душу? Прошлое должно лежать в земле. Я сам его туда закопал. Но оно тянет меня за ноги, за горло, за сердце – не отпускает ни на секунду. Я должен быть счастлив. Должен радоваться, что наконец свободен, что я целый, независимый человек, который вытащил себя из грязи. Но почему это ощущается как ложь? Почему всё внутри гудит пустотой? Почему такое чувство, будто во мне вырвали огромный кусок, и я до сих пор ищу его в темноте? Почему кажется, что мне отчаянно, смертельно не хватает чего-то...

Просидев там несколько часов в своём болоте раздумий, я наконец поднимаюсь. Руки дрожат – от холода или от перенапряжения, я уже не различаю. Я наклоняюсь, черпаю ладонями ледяную воду и промываю руки, будто пытаюсь смыть с себя всё то, что липнет к душе и не отходит.

Разворачиваюсь и иду обратно тем же секретным путём, которым пришёл. Но едва делаю несколько шагов – меня останавливает звук. Нет... не звук. Пение.

Я замираю и оборачиваюсь, пытаюсь понять, откуда оно доносится. Но оно идёт не от реки. Оно глубже. Из леса. Пение на незнакомом языке – мелодичное, завораживающее, будто сотканное из тумана и ночного ветра. Голос такой... что в груди что-то дергается, будто кто-то изнутри пытается вырваться наружу. Дьявол. Возможно, это просто усталость. Или бред. Видение. Галлюцинация, вызванная моими собственными демонами. Но вместо того чтобы разворачивать-

ся и убираться отсюда к чертям, я иду к нему. К голосу. К ловушке. Каждым шагом он становится ближе. Точнее. Голос зовёт меня. Манит. Приглушённый, но чарующий, как будто сирена нашёптывает моё имя. Когда я подхожу к самому источнику, голос звучит так, будто он рядом. Совсем рядом. Но я никого не вижу. Ничего – только темноту, деревья и пустоту. Сердце бьётся в горле. Я оглядываюсь. И вдруг понимаю. Пение идёт сверху. Я медленно поднимаю голову... и во мраке, в нескольких метрах надо мной, вижу силуэт. Кто-то сидит на дереве. Согнув ноги. Хрупкая фигура. Нечеловечески спокойная. И голос... этот голос... Мне бы развернуться и уйти. Блять, мне бы бежать изо всех сил. Но я стою, словно околдованный, и смотрю вверх. Слушаю. Не дышу. И не могу оторваться. Что-то внутри меня узнаёт этот голос... хотя я уверен, что никогда в жизни его не слышал.

Я стою, затаив дыхание, прислушиваясь к мелодичному пению, которое проникает в самую глубину моей души. Силуэт на дереве кажется одновременно опасным и манящим, и я не могу сдвинуться с места. Мне нужно узнать, чем всё закончится. Вскоре пение стихает, оставляя после себя едва слышимый шёпот леса. Силуэт неподвижен, словно часть ночи, и тьма вокруг сгущается, обволакивая меня, как холодное одеяло.

– Блядь, как мне теперь отсюда спуститься? – раздаётся резкий, сдавленный голос сверху. – Чёрт, я никогда не думаю, прежде чем что-то делаю. Есть только один путь – прыг-

нуть. А если сломаю что-нибудь? Ох, я знаю, чем это закончится. Бабушка непременно напишет книгу под названием «А я же говорила». Чёрт, придётся прыгать.

Голос звучит до боли знакомо, до ужаса и до дрожи в груди. Нет... не может быть... Это мой разум играет со мной. Блять, я схожу с ума. Это что, её голос? Я даже не замечаю, как ноги сами ведут меня к дереву. Стою внизу, ощущая густой воздух вокруг, словно он сам держит меня на месте.

И вдруг – движение. Она падает. Мгновение – и я теряю равновесие, как будто земля уходит из-под ног. Она садится на меня. Мы замерли, дыхание сковывает грудь. Темнота вокруг поглощает всё. Я ничего не вижу. Она тоже. Но даже в крошечной тьме я различаю глаза. Глаза, которые светятся, будто два далёких маяка в ночи. Сердце ёкает, грудь дрожит.

– Даже не смей двигаться! – тихий, ледяной шепот касается лица.

– Чёрт, где мой телефон? – слышу шорох, а затем яркий свет фонаря рвёт тьму, ослепляя меня. Я рефлекторно зажмуриваюсь, ощущая, как свет режет глаза.

– Убери этот свет с моих глаз! – выдавливаю сквозь зубы.

– Второй? – удивлённо вырывается голос сверху, смешанный с мягкой тревогой.

Я медленно открываю глаза. Фонарь всё ещё светит прямо в лицо.

– Пожалуйста, убери свет чуть в сторону. Я не могу открыть глаза, – мягко, но настойчиво повторяю я.

Фонарь наконец сдвигается, и наши взгляды встречаются в тусклом, почти призрачном свете телефона. Мир вокруг будто растворяется. Только мы. И эти глаза. Они завораживают и манят. Хочется смотреть в них вечно, и я не могу отвести взгляд.

Мы просто стоим так, глядя друг другу в глаза. Тысячи эмоций мелькают по её лицу, и, скорее всего, по моему тоже. Дыхание сбивается, учащается, слова застревают где-то в горле. Я всё ещё не могу поверить, что это реально.

– Вот эта встреча, – наконец говорит она, тяжело сглатывая, и в её голосе скользит тонкая дрожь.

Я привстаю, затем медленно присаживаюсь. Она всё ещё сидит на моих бёдрах, неподвижная, и чёрт возьми, мы снова в той позе, в которой были в прошлый раз. Она осторожно кладёт телефон на землю, и свет фонаря мягко обвивает наши лица, создавая почти нереальную атмосферу. Медленно, почти как в танце, она обнимает меня за шею и внимательно изучает мои черты.

– Ты реальный? Как так...? – её голос лёгкий, с игривым оттенком, но в нём сквозит удивление и лёгкая тревога.

Я нахмуриваюсь и смотрю на неё, не отводя глаз.

– Ты меня преследуешь? – спрашиваю, едва слышно, будто боюсь разрушить это мгновение.

Она вскидывает бровь, словно я сказала что-то совершенно возмутительное.

– Кто ты такой, чтобы я преследовала тебя? – отвечает

она, и в её глазах искрит вызов. — А ты скажи мне, что забыл здесь, посреди ночи?

— Могу задать тот же вопрос, — спокойно, почти сдержанно отвечаю я.

— Тебе это не касается, — тихо, но с едва заметной игрой в голосе, произносит она.

— Тогда и ты не получишь ответа.

Мы остаёмся в этой полутёмной, почти магической тишине, где каждый взгляд и каждое дыхание будто переплетаются, создавая что-то странное, родное и пугающе притягательное одновременно.

— Отлично, прощай, — обиженно говорит она, резко вставая с меня и направляясь в глубь леса.

— Куда ты идёшь? — иду за ней.

— Подальше от тебя, выбраться отсюда, — раздражённо отвечает она.

— Ты идёшь прямо к охране, это неправильный путь. Я так понимаю, сюда залезла точно так же, как и я? Незаконно, — пытаюсь догадаться я.

Она резко останавливается.

— Хорошо, я позволю тебе увезти меня отсюда. Покажи путь, — скрещивает она руки на груди.

Я стою, наблюдая за ней. Тысячи эмоций рвут меня изнутри, и я не знаю, о чём думать. Единственное, что приходит в голову: она идеально вписывается в этот лес. Загадочная пантера, с глазами ярче звёзд и луны. И вдруг замечаю, что

улыбка сама касается моих губ. Я не могу это контролировать. Просто не могу сдерживаться рядом с ней.

– Над чем ты смеёшься? Ты собираешься вывезти нас отсюда или мне самой искать путь? – спрашивает она, слегка наклонив голову.

– Идём, – беру её за руку и тащу за собой.

Она молча следует, поспевая за моими быстрыми шагами. Как только мы выходим из резервации, я подхожу к своей машине. Она с мягкой улыбкой смотрит на неё.

– На чём ты сюда приехала? – спрашиваю я.

– На машине. Она на заправке, – спокойно отвечает.

– На заправке? От заправки до сюда километров семь-восемь, – поднимаю бровь я.

– И что? Я люблю гулять пешком, – с лёгкой насмешкой произносит она.

– Что ж, дальше сама могу идти. Спасибо за помощь, – разворачивается, чтобы уйти.

Я догоняю её.

– Не так быстро. Нам нужно поговорить.

– Нам не о чем говорить, – пытаюсь вырваться.

Потеряв терпение, я обнимаю её за талию, прижимаю к себе и веду к машине. Аккуратно усаживаю на капот, встаю между ног, опираясь руками по обе стороны.

– Кажется, ты не поняла меня. У меня до хрена вопросов, и ответы только у тебя. Как только удивишь меня своими ответами, сможешь уйти, – говорю я, медленно приближая

наши лица.

Она тяжело сглатывает и смотрит на мои губы. Блять, мне бы только вспомнить все вопросы.

– Слушаю, – говорит она, скрещая руки на груди.

– Как так получилось, что мы сначала столкнулись в аэропорту и сидели рядом в самолёте... потом встретились на гонках, где ты меня уделала... потом появилась из ниоткуда, провела со мной ночь и утром оставила деньги и машину, будто всё это ничего не значит? И сейчас мы снова сталкиваемся – в другом городе, в запретном месте, посреди чёртовой ночи. Это, по-твоему, случайность? Скажи мне, кто ты и что ты задумала?

За несколько секунд её лицо успевает сменить целую галерею эмоций: удивление, недоумение... а потом уголки её губ поднимаются в злой, хищной ухмылке. И вырывается смех – резкий, режущий, совсем не предвещающий ничего хорошего.

– О, так ты очередной мужчина, который решил, что особенный? – издевается она. – У меня нет ответов на большинство твоих вопросов, дорогой. То, что мы встретились в самолёте – случайность. И на гонках – тоже случайность. Есть ли у меня свои причины? Есть. Но я не обязана отчитываться перед незнакомцем.

Она подаётся чуть вперёд, прищулив глаза.

– А вот то, что я выиграла у тебя гонку – не случайность. У моей машины был особый двигатель. Так что, можно сказать,

я смухлевала. Потому что привыкла всегда быть первой. Во что бы мне это ни стоило. Понимаешь?

Я молчу, она продолжает.

– Но потом я увидела твою реакцию. Ты не из тех, кто хочет победить ради своего жалкого эго. На твоём лице было разочарование... и боль. Я спросила у этого... как его там... Адама? Амата? Он сказал, что для тебя это была последняя гонка, шанс что-то изменить в своей жизни. Поэтому я и оставила тебе машину и деньги – как компенсацию. Потому что если бы я не... мухлевала, скорее всего, выиграл бы ты. Это было твоё право. Какая бы я ни была, но справедливость я соблюдаю.

Она на мгновение умолкает, взгляд её становится ледяным.

– А то, что мы встретились здесь... да, я удивлена не меньше тебя. Но повторяю ещё раз: я не обязана перед тобой отчитываться. У меня есть свои причины. И всё. Я не знаю, кто ты. И да, все наши встречи для меня – чистая случайность.

Говорит она это с таким усталым презрением, будто я недостойн даже того, чтобы услышать эти слова. Смотрит гордо, высокомерно, с уверенностью человека, который ставит себя выше всего вокруг – и, в первую очередь, выше меня.

– Хорошо. Я всё понял. Но... почему ту ночь ты переспала со мной? – спрашиваю я тихо, сжимая пальцами край капота. Её взгляд меняется. Смягчается. Она изучает моё лицо

внимательно – слишком внимательно. И медленно приближается, касаясь кончиком носа моего.

– Потому что ты чертовски привлекательный мужчина, – произносит она почти шёпотом. – Не из тех, кто рвётся из кожи, чтобы залезть ко мне в трусы. Спокойный. Сдержанный. Целеустремлённый. И безумно симпатичный. Ты полностью в моём вкусе. Поэтому я и захотела переспать с тобой. Понимаешь?

Пауза. Она отстраняется всего на пару сантиметров.

– Но сейчас я понимаю, что ошибалась. Ты оказался болтливым. Терпеть таких не могу, – бросает она разочарованно и резко толкает меня в грудь, соскальзывая с капота.

– Мне не нужны твои подачки, – грубо бросаю я ей.

Она резко поворачивается, сверля меня взглядом.

– Ты что, задницей меня слушал? – огрызается она. – Я же сказала: я смухлевала. Если бы меня там не было, ты бы выиграл. Успокойся уже.

Она делает шаг ко мне, голос её становится резче.

– Вчера я потеряла карту, в котором было в три раза больше денег, чем выигрыш на гонках. Так что никакие это не подачки – это было твоё право. Не нравится? Выбрось эти деньги. Выбрось машину. Но ты этого не сделал, не так ли? Потому что чувствовал, что они твои. И какая бы причина ни была, ты поступил правильно. Ты заслужил это, понимаешь?

Она тяжело выдыхает, будто разговор окончательно выматывает её.

– Я устала. Просто подвези меня до заправки, чтобы я забрала свою машину.

Она быстрым шагом обходит капот, даже не оглядываясь, открывает пассажирскую дверь и садится в мою машину, хлопнув её резким, злым движением.

Я обхожу машину и сажусь за руль, бросив на неё последний взгляд. Завожу двигатель, и мы трогаемся.

Такого многогранного, противоречивого человека я ещё не встречал. Она будто состоит из десятков версий себя – и ни одну из них невозможно разобрать до конца. Это всего лишь наша вторая встреча, но она оставила на мне впечатление сильнее, чем кто-либо. И это меня чертовски тревожит.

– Может, скажешь, почему ты, как маньячка, сидела среди ночи на дереве и пела? – спрашиваю я.

– Маньячки сидят на деревьях и поют? – переспрашивает она, глядя на меня так, будто пытается понять, серьёзно ли я.

Я стараюсь сдержаться, но не могу – и мы оба начинаем смеяться.

– Нет, ну это было максимально странно, – продолжаю я. – Ночь, лес, незнакомый язык... Кстати, что это за язык был?

– Ох, второй, – вздыхает она, – слишком уж много у тебя вопросов. Может, сначала сам объяснишь, что ты там забыл?

– Вообще-то я живу в этом городе, – отвечаю я спокойно. – И это место знаю давно. Да, незаконно, да, неправильно, но я иногда приезжаю туда, чтобы побыть один. Привычка такая. Теперь твоя очередь отвечать.

Она смотрит в окно, словно выбирает, что сказать.

– Я в этом городе по делам, – наконец произносит. – И, как уже сказала, люблю гулять. Много и долго. Это место показалось мне... загадочным. Вот я и решила там пройтись. И, как бы странно это ни звучало, я люблю петь. Но так, чтобы никто не слышал. Так что ты – первый. Поэтому забудь о моём пении. И вообще, не вижу ничего странного в том, что я сидела на дереве. Так делают многие... наверняка.

– Твоё пение могли услышать охранники. Или, не знаю, на тебя могли налететь летучие мыши, – говорю я с лёгким беспокойством.

– Летучие мыши? Там есть летучие мыши?! – почти кричит она, в полном восторге. – О Господи, я обязательно должна туда вернуться и увидеть их!

Господи... она так радуется летучим мышам, будто считает их маленькими лесными феями.

– Тебе часто говорят что ты странная? – спрашиваю я у неё.

– Ох... если бы мне ещё и платили за это... – отвечает она так, будто смертельно устала это слышать.

Мы подъезжаем к стоянке заправки. Я выхожу вместе с ней и провожаю до машины. Но когда вижу автомобиль, к которому она подходит, у меня отвисает челюсть.

300 SL.

– Ты оставила эту машину на стоянке в богом забытой за-

правке? – спрашиваю я, не веря своим глазам. – Не боясь, что её угонят?

– Это всего лишь машина. Кусок металла. Украдут или сломают – можно купить новую или взять другую. Для меня материальные вещи не имеют значения. И да, я не живу в этой стране. Так что это вообще не моя машина. Друг дал, чтобы я могла передвигаться, пока нахожусь здесь, – отвечает она, открывает дверцу и начинает что-то искать внутри.

– Интересный у тебя друг, если позволяет водить такое, – проборматываю я, чувствуя в груди странное, неприятное сжатие.

Хотя... учитывая, кто она... даже если я толком её не знаю, уже ясно, что она не из простых. Естественно, вокруг неё вращаются такие же люди.

Она выходит с небольшой сумочкой, ставит её на капот и жестом подзывает меня. Я подхожу. Она открывает сумочку и достаёт другую – маленькую, аккуратную.

– Я хочу обработать рану на твоей губе, – произносит она, вытаскивая вату и антисептик.

Я уже и забыл, что у меня рассечена губа.

Она молча обрабатывает рану. Жжёт сильно, но я не морщусь – привык.

– Не спросишь, откуда рана? – спрашиваю я.

– Нет. Я не задаю неуместных вопросов. Вдруг ты не хочешь отвечать. Я выбираю либо помочь, быть рядом, либо нет. Без лишних вопросов, – отвечает она спокойно.

Потом достаёт маленькую тубу мази и мягким пальцем проводит по ране. По коже проходит электричество. Я сглаживаю. Понимаю, что сейчас она уедет. А я... А я не хочу этого.

– Мы ещё увидимся? – спрашиваю, сам удивляясь собственному голосу.

– А ты этого хочешь? – спрашивает она в ответ.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Не знаю даже, что чувствую. Единственное – я не хочу признавать этого вслух. Она берёт моё лицо в ладони и оставляет на нём мягкие поцелуи – на щеке, на подбородке, на краю губ. И последний – на губах. Я закрываю глаза, утопая в эмоциях, к которым не привык, которые боюсь открыть и пустить наружу.

– Береги себя, – говорит она тихо.

Берёт сумку, садится в машину и уезжает, бросив напоследок взгляд – расстроенный или разочарованный, я не могу понять. А я стою, всё ещё не веря в происходящее. И только сейчас осознаю: Я снова не узнал, как её зовут.

Глава 5. Лий

Чёрт возьми, я сбилась с плана. Мы должны были столкнуться с Матиасом через два дня, причём «совершенно случайно». Всё было рассчитано – время, место, даже настроение, которое у него должно было быть в тот момент. И вот пожалуйста – встречаемся в какой-то чёртовой резервации. Хотя... иностранка здесь я. Он, судя по всему, бывает там не впервые. Сам же сказал. Возможно, так даже лучше. Я уже чувствую, как медленно, но уверенно забираюсь ему под кожу. Но, как я и предполагала, он не из тех мужчин, которых можно просто использовать и выбросить. Любой другой уже через час валялся бы у моих ног, умолял о продолжении, цеплялся бы. Но не он. Он молчал. Он ушёл, зная, что мы можем больше никогда не встретиться. И это делает его куда опаснее и куда интереснее. Игра будет сложнее, чем я ожидала. Но вариантов у меня нет. Мне нужен Матиас – единственный мост, единственный ключ к тому, чтобы добраться к Сильве-старшему. И я дойду до конца. Каким бы он ни был.

Мои мысли прерывает звонок. Телефон вибрирует в руке, будто напоминая, что реальность всегда найдёт, куда бы я ни сбежала.

- Да, бабушка, – выдыхаю я, уже морально готовясь.
- И тебе доброе утро, деточка, – возмущённо отвечает она, будто я нарушила какой-то древний семейный ритуал.

– Где ты снова пропала? – задаёт она вопрос, прекрасно зная, где я нахожусь. Она всегда знает.

– В Колумбии. В отеле, – отвечаю, пряча раздражение под ровным тоном.

– Ты обычно задерживаешься там, где тебе нравится. Неужели там настолько хорошо? – её голос наполнен любопытством, которое всегда стоит слишком близко к контролю.

– Мне везде хорошо, когда на расстоянии и без вашего контроля, ба.

– Принцесса... – слышу боль в её голосе. Она ранит, но не так сильно, как должна.

– У меня здесь хорошие знакомые со времён курсов. И я пока не собираюсь возвращаться. И, не дай бог, сталкиваться с твоей дочерью, – резко отрезаю я.

Бабушка замолкает на секунду. Это её поражение в маленькой семейной войне.

– Понимаю... Делай что хочешь, главное, чтобы тебе было хорошо, детка. Не забудь принимать лекарство, – сдаётся она.

– Хорошо, ба. Поцелуй дедушку от меня. Прощай, – отключаюсь.

На мгновение остаюсь в тишине. Иногда их любовь кажется пугающей, почти хищной. После того, что я сделала в прошлом, убедилась в этом окончательно. Они не принимают, не прощают, не жалеют никого. Главное – чтобы у семьи всё было хорошо. И мне повезло быть одной из них... или

не повезло – в зависимости от дня.

Сегодня у меня встреча с Кейном. Моим старым знакомым – ещё с тех времён, когда я не успела поставить крест на своей жизни. С его помощью я и втяну Матиаса в эту игру. Всё должно пройти гладко. Или хотя бы – по плану.

Я подъезжаю к его особняку. Огромные ворота медленно открываются, и Кейн уже стоит там, как всегда – безупречный, вылизанный, джентльмен до костей.

– Дорогой? – улыбаюсь я, выходя из машины.

– Моя королева. Как же я рад, что ты наконец посетила мой дом, – он обнимает меня и легко целует в щёку, словно это наше привычное приветствие.

– После стольких лет я снова в Боготе. Как я могла не прийти? – отвечаю я и беру его под руку, позволяя провести меня внутрь.

Мы входим в гостиную, и я замечаю накрытый стол с блюдами, которые я люблю. Каждую мелочь.

– Кейн... – смотрю на него, пытаясь скрыть усталость от предсказуемость мужчин.

– Я никогда не забывал, что ты любишь. И тебя... – произносит он с тем намёком, которого я так не хотела слышать.

Я отворачиваюсь, подходя к столу, чтобы он не увидел, как закатываются мои глаза. Мужчины. Все одинаковы. Ни о какой дружбе не может быть и речи – в конечном итоге каждый из них мечтает залезть тебе под юбку.

– Перейду сразу к делу, дорогой. Мне нужна твоя помощь, – говорю я серьёзно.

Он даже не моргает.

– Ты однажды спасла мне жизнь, Лий. Для тебя я и душу дьяволу продам, – уверенно отвечает он.

Я мягко улыбаюсь. Это то, что мне нужно.

– У тебя есть коллекция винтажных машин. Одну ты отправил в отель, как только я прилетела – спасибо тебе за это. Мне нужно, чтобы ты привлёк кое-кого под предлогом проверки этой коллекции, – произношу я, внимательно следя за его реакцией.

Кейн прищуривается. Конечно. Его не проведёшь.

– Это слишком просто. Какая твоя настоящая просьба?

Я почти забыла, какой он умный. И насколько опасно проныцательный.

– Мне нужно, чтобы всё это оставалось строго между мной и тобой, – говорю честно. Без игры.

Он медленно кивает, его взгляд становится серьёзным.

– Можешь не сомневаться, моя королева, – ухмыляется он, поднимая бокал.

Мы чокаемся. Я делаю глоток и, не теряя времени, начинаю посвящать его в детали плана – ровно настолько, насколько могу.

После встречи с Кейном я еду в город и несколько часов блуждаю по магазинам, скупая всё, что мне совершенно не

нужно. Моя отвратительная привычка – тратить деньги, когда пытаюсь отвлечься от мыслей. Работает на пять минут, но я всё равно продолжаю.

К вечеру я возвращаюсь в отель – вымотанная, как будто прошла марафон. Сбрасываю одежду на пол, иду под горячий душ, позволяя воде смыть с меня день, раздражение, мысли... хотя бы часть из них. Падаю в постель почти без сил. Завтра важный день. Завтра мы с Матиасом официально познакомимся – так, как и должно было случиться изначально. Завтра начнётся наше неизбежное сближение. Игра выходит на новый уровень.

Перед тем как заснуть, я набираю единственного человека, который действительно мне дорог.

– Младшенький? – невольно улыбаюсь, как только он берёт трубку.

– Что тебе нужно, коза? – бурчит он в своей привычной манере.

– Просто хотела знать, как ты поживаешь и что успел натворить сегодня, – дразню его.

– Я занят своим личным проектом. Не до этих неудачников мне, – фыркает он.

– Леон...

– Не делай вид, что они тебе нравятся. Родственные связи не делают тебя обязанной, – отвечает он скучающим тоном, но я слишком хорошо слышу под ним раздражённую нежность.

Я тихо выдыхаю, сдаваясь. У него характер хуже, чем у меня. Намного. Но я знаю: он любит меня, заботится – просто тщательно скрывает.

– Сладких снов, братик, – тепло улыбаюсь я.

– Пока, – коротко бросает он и отключается.

Я кладу телефон на тумбочку и, скользнув взглядом по пузырькам с лекарствами, замираю. Ненавижу их. Ненавижу, как они отключают меня, делают покорной, ровной, управляемой. Но сегодня я чувствую себя нормально, тело спокойное, голова ясная.

Я решаю их не принимать. Просто ложусь спать.

Посреди ночи меня вырывает из сна – я вскакиваю, задыхаясь, будто чьи-то пальцы сжали мне горло так сильно, что хрустят позвонки. Паника накрывает мгновенно, как ледяная волна. Я дрожу, пытаюсь вдохнуть, откашляться, но легкие не слушаются. В горле спазм, будто я умираю снова и снова. Нащупываю лекарства дрожащими пальцами и почти роняю флакон. Пью первое, второе, третье – подряд, не считая. Лишь бы отпустило. Лишь бы вернуться в себя. Лишь бы не утонуть в этой темноте.

И только когда дрожь понемногу утихает, когда дыхание становится хоть чуть ровнее, до меня доходит причина. Почему я проснулась в таком состоянии. Почему паника прорвалась, стоило мне решить, что со мной всё «нормально». Снова этот сон. Снова тот день. Каждый раз, когда я пыта-

юсь взбунтоваться против этих таблеток... каждый раз, когда думаю, что сильнее своих демонов, – меня швыряет обратно. Моё сознание напоминает мне, кем я стала и за что заплатила. Слезы текут сами, горячие, солёные, но из груди вырывается истеричный смех. Некрасивый, сломанный. Ничего не изменилось. Я всё тот же человек, рожденный тем днём. И пока я не найду его... Пока не закончу то, что начала... Мой мозг будет рвать меня на части. Пока я не завершу задуманное – нет мне покоя. Поэтому я в плену этих ядовитых лекарств. Они держат меня в состоянии человека. Иначе – я уже не человек.

Естественно, так и не сомкнув глаз до утра, я выгляжу как зомби. Холодная, выжатая, пустая. И единственное, что может скрыть это от мира – тёмные солнечные очки. Чёрт. А именно сегодня – ответственный день.

Сегодня состоится наше официальное знакомство с Матиасом. Сегодня я ворвусь в его жизнь так, что дороги назад ни у него, ни у меня уже не будет. Сегодня начнётся всё.

Поэтому я собираюсь тщательно, почти ритуально, будто надеваю на себя новую кожу. Спускаюсь завтракать... слишком рано. На часах – время, в которое нормальные люди ещё переворачиваются на другую сторону. Мне нужно быть там к обеду, и я уверена: Матиас ещё даже не появился на месте. Значит – придётся ждать. Ненавижу ждать. Особенно – когда знаю, что меня ждёт. Это чувство пустоты перед бурей

всегда выбивает меня из себя.

Выхожу из отеля, решаю пройтись, чтобы хоть немного притупить нервное дрожание. Но не успеваю отойти и двух кварталов – телефон взрывается вибрацией. Я смотрю на экран и замираю. Этот номер... Звонок, который бывает раз в месяц, а то и реже. Звонок, после которого в моей жизни неизменно что-то меняется. Всегда. Без исключений.

Я долго держу телефон в руке, кусаю губу до боли. Сердце колотится, грохочет в груди, как будто пытается предупредить. Но я всё же нажимаю «принять». Потому что этот разговор не терпит ожидания. И потому что, если я не отвечу сейчас, он всё равно догонит меня позже – гораздо жёстче.

– Здравствуй, пап, – отвечаю я, тяжело сглатывая.

– Здравствуй, принцесса. Что-то ты совсем пропала. Не звонишь папе? – его голос ровный, почти мягкий. Но я слышу упрёк. Слышу всегда.

Потому что мы должны звонить ему. Он – никогда. Он считает, что возраст – власть. Что интересоваться, искать, напоминать о себе – наша обязанность. Его детей. Его наследников. Если Леон бунтует и игнорирует, всё падает на меня. Я – та, кто всегда пишет. Держу связь. Держу баланс, чтобы он не взорвался.

«Я не звоню, потому что мне сложно выдерживать разговор», – думаю я, но вслух говорю только:

– Просто решила побыть немного одна и отвлечься, пап.

Извини, что не писала.

– И от чего же ты отвлекаешься, принцесса? – голос становится жёстче, на тон, едва заметно. – Тебе пора уже забыть обо всём и жить дальше. Ты нужна нам здесь.

Пауза. Холодная. Расчётливая.

– У меня всего двое детей. И учитывая характер твоего брата... ты единственный ответственный человек в этой семье. Ты должна взять на себя часть обязанностей.

Он всегда так говорит – будто читает приговор.

– Завтра я тебя жду. Самолёт будет ждать тебя. Помощник пришлёт всю информацию. До завтра, доченька.

И он отключается. Как обычно. Забирая у меня дыхание, возможность возразить, хоть что-то сказать. Вот такой он – мой отец. Сдержанный. Холодный. Скала, которой поклоняются, боятся и которой никогда не противоречат. Но я – единственная, с кем он говорит мягко. Единственная, кому иногда позволяет быть слабой. Единственная, ради кого хоть чуть-чуть понижает голос. Но и это – предел. Больше ничего. Он не верит в слабость. Не признаёт причин, по которым можно пасть.

Он уверен: если мы его дети, значит, мы обязаны быть такими же, как он. Непробиваемыми. А всё воспитание – дело нашей матери. Она должна была сделать нас “достойными”. Поэтому каждый наш промах – её вина. Поэтому она, возможно, так ненавидит нас. Потому что никогда не смогла нас контролировать. И конечно же, отец уже успел догово-

риться о самолёте – чтобы я летела десять часов ради одного разговора. Разговора, который я знаю наизусть. И знаю, чем он закончится. Но этот разговор неизбежен. Если я сама не прилечу, меня вытащат силой, куда бы я ни спряталась.

Чёрт. Мне нужно сегодня собрать себя по кускам и увидеться с Матиасом. А завтра – лететь к отцу, выслушать его, выдержать его, пережить его... и вернуться. Быстро. А главное – так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Я подъезжаю к особняку Кейна. Точнее – к его гордости, к святой святых: огромному гаражу, где он держит десятки винтажных машин, которых ему удалось вырвать с аукционов. Я знаю, как он к ним относится. Он не позволяет касаться их внешности – ни пылинки, ни царапины. Всё должно оставаться нетронутым, новым, почти музейным. Но внутри он их бесконечно улучшает – меняет детали, собирает заново, ездит, снова перебирает. Машины – его слабость и его зависимость. И я сейчас – за рулём одной из таких. Мой идеальный предлог. Вернуть машину. И «случайно» пересечься с Матиасом.

Кейн по моей просьбе уже сделал всё, что нужно: под видом рекомендации связался с Матиасом, попросил приехать и посмотреть машину. Как профессионал. Как гонщик. Как человек, который вырос среди железа, масла и шума моторов.

Я знаю его историю. С подросткового возраста – авто-

мастерские, винтажные двигатели, сотни разобранных и собранных деталей. Он – лучший кандидат в эту легенду. И я уже придумала каждую деталь. Каждую фразу. Каждый повод, чтобы всё выглядело идеально логичным. Чтобы у него даже мысли не возникло, что я пришла не к машине, а к нему.

Но главное – мне нужно сделать так, чтобы он сам захотел меня видеть. Чтобы он сам захотел, чтобы я была в его жизни. А это сложно. Он упёртый, настырный ублюдок. Не тот мужчина, который легко сдаётся, легко признаёт желание или хоть какие-то эмоции. Поэтому мне приходится просчитывать каждый шаг. Каждое слово. Хотя... рядом с ним я никогда не действую по плану. Рядом с ним я становлюсь собой – настоящей, неприкрытой, глупой, слишком искренней.

Будто мой мозг просто отключается от схем и задач, и остаются только он и мои реактивные, необдуманнные эмоции. Даже не знаю, что это. Он другой. Совсем не похож на мужчин, среди которых я привыкла жить. Но сегодня мне нужно держать себя в руках. Он не должен разрушить мои планы. Не могу позволить.

Я заезжаю в гараж, ставлю машину на место и выхожу. Начинаю искать его взглядом. Нахожу почти сразу. Белая майка, испачканная маслом. Руки – в работе. Он весь погружён в процесс, сосредоточенный, внимательный... но на его лице – такое выражение, будто он смотрит не на двигатель, а на

женщину, которую любит. Это почти невыносимо.

Когда он спросил, почему я с ним переспала, я сказала правду. Он чертовски привлекательный мужчина. И то, что он этого не осознаёт, делает его ещё хуже. Ещё опаснее. Он высокий, ровный, широкий в плечах. Каждая мышца – как механика точности. Идеальная машина, созданная не для подиума, а для боя. Лицо мужественное, резкое, красивое. Высокие скулы. Пухлые губы. Тёмные волосы, которые он постоянно заправляет пальцами – иногда взъерошенные, как в нашу первую ночь, иногда идеально уложенные, как сейчас. А глаза... Его глаза – это отдельная история.

Густые, лесные, зелёные. Такие, что от них невозможно оторваться. Они делают его нереальным. Почти мифическим существом. Я видела много красивых мужчин. Слишком много. Но большинство – это надутые, самодовольные убудки, уверенные, что мир вращается вокруг их бицепса. А Матиас – другой.

Он честный. Сдержанный. Простодушный в хорошем смысле. Слишком открытый. Слишком настоящий. К нему сложно подобраться, потому что он не играет в игры. И я уверена, что у него есть свои демоны. Наверняка есть. Раз уж даже рядом со мной он не может попросить о второй встрече. Просто молчит. И всё равно смотрит так, будто я уже его слабость.

– Кого я вижу, – произношу я притворно удивлённо, делая шаг вперёд.

Он резко оборачивается. Резко – как будто услышал не голос, а выстрел. И в ту же секунду в его глазах вспыхивает всё сразу: неприкрытое удивление, шок... и этот тонкий, почти щемящий восторг, который он даже попытался бы скрыть, будь у него хотя бы лишняя секунда на реакцию. Но её нет. Его губы едва приоткрываются, словно он действительно не верит, что я стою здесь, что я существую, что я – не сон, не воспоминание, не мираж от недосыпа и усталости. Он смотрит на меня так, будто я не просто вошла – будто я вломила в его мир, опять, без предупреждения, без права спрашивать разрешения. И я, конечно, улыбаюсь. Я же знаю этот взгляд. Этот момент. Эту его заминку – бесценную.

– Может, ты меня замуж позовёшь Второй? – бросаю я с лёгкой ухмылкой, будто между нами нет ни ночи, ни напряжения, ни этой странной тяги, от которой я сама не могу сбежать. – Раз уж судьба так отчаянно пытается сталкивать нас снова и снова.

И я вижу, как его челюсть чуть двигается – он пытается сдержать эмоцию. Но неудачно. На его лице появляется ухмылка. Та самая. Та, где он пытается показать, что всё под контролем, а на деле – его полностью выбило из колеи. Медленная. Настоящая. Упрямая. И чёртовски притягательная. Он проводит рукой по волосам – привычное движение, выработанное нервами, – и наконец находит голос.

Глава 6. Матиас

– Первая... – вырывается у меня тихим, почти хриплым голосом.

Она снова стоит передо мной – статная, спокойная, породистая, до безумия красивая. Только глаза спрятаны за тёмными очками. И это, чёрт возьми, хуже всего. Когда я вижу её глаза – мир исчезает. Когда не вижу – рвусь к ним, как к свету, которого мне запрещают. Это уже третья встреча. И снова – случайность? Не знаю, что всё это значит, но на этот раз я не собираюсь отпускать её без следа.

– Где Кейн? Я приехала вернуть машину, – произносит она, оглядываясь.

И тут меня прошибает. Мужчина, который нанял меня, – и есть её “друг”, подаривший тот самый 300 SL. Я удивился, когда мне вообще позвонили. Неожиданно, но логично: отец Кейна был клиентом моего покойного мастера, того, кто научил меня всему, что я знаю о машинах. Я – один из немногих в этом городе, кто может разобрать винтажку до винтика вслепую. Это единственное, чем я по-настоящему горжусь.

– Моя королева! – влетает в гараж этот надушенный павлин.

Он подходит к ней, кладёт руку на талию, целует в щёку.

И у меня непроизвольно сжимаются кулаки. Он ей... кто? Не просто друг?

– Кейн, дорогой, я приехала вернуть машину. Меня не будет некоторое время, – говорит она.

И моё сердце замирает. Она снова исчезнет.

– Ты же только приехала. Куда снова собралась? – в голосе Кейна разочарование.

– Отец... – тяжело выдыхает она.

– Ааа... Желания господина Берта не обсуждаются, – мгновенно закрывает он рот.

– Но я ненадолго. Вернусь очень скоро, – улыбается ему.

– Буду ждать. Бери любую машину, какую захочешь. Кстати, это Матиас. Он будет проверять моих красавиц, – он кивает на меня.

– Матиас... – произносит она, растягивая моё имя так, что оно становится чем-то греховным.

Я сглатываю.

– Мне пора, Лий. Отец ждёт. Увидимся, – Кейн быстро уходит.

Лий. Её зовут Лий. Она идёт ко мне – медленно, будто скользит. Снимает очки. Уставшая. Бледная. И от этого ещё красивее. Такая... настоящая.

– Снова собираешься исчезнуть? – спрашиваю я, не выдержав. Рука сама тянется, откидывает прядь волос за её ухо и задерживается на щеке. Она не отстраняется. Наоборот – чуть наклоняет голову к моей руке. Чёрт.

– Ну... ты же не собираешься меня задерживать. Поэтому я и исчезаю. И возможно однажды исчезну навсегда, – говорит она мягко, но взгляд пустой.

– Не исчезай больше, – слова вырываются сами. Честно. Глупо. Беззащитно. Но я не могу иначе.

Она улыбается – по-настоящему, по доброму.

– Дай мне свой номер, – наклоняюсь ближе, вдыхаю её запах. Он уже сидит у меня под кожей, как проклятие. Она начинает диктовать цифры. И каждую цифру отмечает поцелуем. На щёку. На скулу. На линию челюсти. У меня всё тело напрягается. Я теряю терпение. Ладно, к чёрту.

На последней цифре я обхватываю её талию, притягиваю к себе и впиваюсь в губы. Жадно. Голодно.

Она тихо стонет в мой рот – и отвечает. Боже. Этот поцелуй... Да, я скучал. Даже если впервые в жизни ощущаю, что это значит.

Она резко отстраняется, и я прижимаю лоб к её лбу, тяжело дыша. Держит меня за майку, будто боится отпустить. Глаза закрыты.

– Если ты действительно не хочешь, чтобы я исчезала... надеюсь, запомнил цифры, – шепчет она игриво.

И, смеясь, выскальзывает из моих рук – как солнце между пальцев. Бежит прочь. А я стою, ошеломлённый и чувствую только одно: Мне мало. Мне мало её. Мне нужна она.

Сегодня я в этом гараже в последний раз. В моём маленьком раю. Среди машин, на которые мне смотреть можно, а иметь – нет. Хотя... не стоит раскисать. У меня есть Тесса.

Каждый день я приходил сюда с глупой надеждой, что она снова появится. Лий. Она не появилась. Не знаю, куда уехала. Вернулась ли вообще. Её номер я, конечно же, запомнил.

Записал. Нашёл её в мессенджере – и увидел: последний заход более десяти дней назад. Иногда я ловлю себя на том, что тупо уставился в телефон, готовый нажать «позвонить». Но не делаю этого. Что я скажу? «Привет, я тот идиот, который не может выбросить тебя из головы»? Я никогда не считал, что отношения – это для меня.

И не уверен, что она вообще может хотеть чего-то... со мной. Мы из разных миров. Совсем. Но отрицать то, что тянет нас друг к другу – бессмысленно. После нашего поцелуя я просыпаюсь каждую ночь со стояком, как проклятый подросток. Не хочу никого другого. Хочу только её. Мне нужна она – слишком сильно, чтобы это игнорировать. Не знаю, что будет дальше. Но одно я понял точно: мне нужно снова видеть её. Слышать её. Чёрт, хотя бы дышать рядом.

Я выезжаю из гаража Кейна, и уже через пару минут вынужден притормозить. У соседнего особняка – движение. Подъезжают машины. Странные. Чёрные. Тяжёлые.

– Они что... бронированные? – бормочу я, прищуриваясь.

Одна из них останавливается прямо передо мной. У меня инстинктивно напрягаются пальцы на руле. Стекло опускается. И я вижу его. Лёд проходит по моему позвоночнику. Все эмоции – будто выключают изнутри. Нет. Нет, нет... Он узнал меня? Судя по тому, как его взгляд задержался – да. Даже в машине. Даже спустя годы. Очки на глазах – как всегда. Хотя откуда мне знать, что «как всегда»? Это наша

четверная встреча всего лишь. Последний был – несколько лет назад. И от этого его взгляда – ещё большее. Как старый шрам, в который воткнули иглу.

Стекло снова поднимается. Машина сворачивает в ворота особняка. Раз он здесь... значит, случилось что-то серьёзное. Очень серьёзное. С учётом того, кто он такой – иначе и быть не может.

Я резко жму на газ. Отъезжаю, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха. Потому что только что я увидел человека, который участвовал в моём появлении на свет – хотя и не хотел этого. Человека, который презирал меня. И её. Человека, который сначала вытащил меня из грязи – а потом швырнул обратно, чтобы я сам там захлебнулся. Человека, который не признаёт слабостей. Человека, который должен был быть отцом. А стал... пустотой. Холодом. Ошибкой. Если бы не его слова в тот день... если бы не его давление, его существование – может, я бы выжил иначе. Спокойнее. Чище. Но он стал финальным ударом. Тем, после которого я долго не мог подняться.

Многим не повезло с родителями. Но мне... Мне не повезло так, что это выглядит как чёрный юмор судьбы.

Хорошо, что у меня была Аба. Хорошо, что появился Дики. Иначе меня бы сожрали мои собственные демоны раньше, чем улица, долги и полная беспомощность. Последний раз, когда я видел его, был в тот день...

В день моей первой крупной победы. Тогда я выиграл гон-

ку. Впервые. Я был очень молод, но уже рвал зубами дорогу под колёсами, потому что кроме дороги у меня ничего не было. И вот – финиш, свет, шум, победа. И где-то сбоку стоит он. И на его лице – эта едва заметная ухмылка. Такая... как будто это его заслуга. Как будто это он подтолкнул меня через финишную черту. Как будто он – мой творец, а я – его очередной проект, который наконец-то не провалился. Но, чёрт побери, я создал себя сам. Я один вылез из той ямы, в которую они вдвоём меня столкнули. Я один разгребал всю грязь, что она когда-то наделала. Один смывал её следы. Один строил новую жизнь, по одному кирпичу, с кровью под ногтями.

Может, он думает, что его давление, его холод и его уход сделали меня крепче.

Но я не один из его солдат. Не один из его воинов. И уж точно не его успех. Я был его ребёнком. Ребёнком, которого он оставил среди чудовищ, среди кошмаров, среди того, через что сам ни разу не прошёл. Он не спас меня. Он не сломал меня. И не собрал. И я стал тем, кто я есть – не благодаря ему, а вопреки ему.

Каждый раз, когда мне кажется, что всё позади... что я наконец выдохнул... что прошлое ушло... Я снова чувствую их руки на себе. Снова. По очереди. То её – ледяные, пустые, убийственные. То его – тяжёлые, словно приговор. Двое людей, которые должны были стать моим домом, моей опорой, моим началом – стали корнем всего самого тёмного, что я

пережил. И иногда я ненавижу себя за то, что они всё ещё имеют власть. За то, что хоть на секунду, но тянут меня обратно – вниз, туда, где темно.

Я останавливаю машину на обочине и зажимаюсь, пытаясь хотя бы чуть-чуть прийти в себя. Дыхание уже выровнялось, но внутри – буря. Гром, хаос, бесконечная дрожь под рёбрами. Спокойствия нет. И не предвидится. Не понимая, что делаю, просто хватаю телефон и нажимаю на её номер. Первый гудок. Второй. Третий. Пятый. Она не берёт. Конечно, не берёт. Кто я для неё? Почему она должна отвечать? Почему я вообще ей звоню, когда мы... почти незнакомцы? Потому что рядом с ней мои демоны замолкают. Потому что рядом с ней я становлюсь... собой. Настоящим. Без грязи прошлого. Без их теней.

Телефон резко вибрирует, и я вздрагиваю. Она. Она перезванивает. Сердце подскакивает так, будто пытается вырваться наружу. Я отвечаю почти на автомате.

– Алло?

– Матиас, это ты? – её голос. Тёплый. Живой.

И улыбка сама появляется на моём лице. Она догадалась, что это я... Значит, думала обо мне?

– Лий... – только и выдыхаю.

– Матиас... – отвечает она так, будто действительно ждала.

Будто эти дни она была в тех же мыслях, что и я.

– Я... просто хотел услышать твой голос. Узнать, как ты, –

говорю, нервничая, как пацан.

– Долго же ты думал, – обиженно отвечает она.

– Я думала, ты сразу позвонишь.

Пауза.

– А потом подумала, что ты вообще не позвонишь.

Сердце предательски теплеет. Она ждала.

– Ты уже вернулась? – спрашиваю, надеясь на ответ, который хочу услышать.

– Пока нет. Но завтра к вечеру буду там, – говорит она, и в голосе слышится волнение.

– Встретимся? – затаиваю дыхание.

– Я скину тебе адрес. В десять вечера буду ждать, – мягко отвечает она.

Глупая, детская улыбка снова тянет мои губы.

– До встречи, первая, – дразню её.

– До встречи, второй, – смеётся она и отключается.

И вся моя буря внутри наконец-то затихает.

Приезжаю домой уже спокойнее. Почти забыв о встрече с ним. Но внутри живёт этот чёртов трепет... ожидание завтрашнего дня... и её.

Я успеваю к ужину. Стоит только открыть дверь – и дом встречает запахом еды от Аба. Предупреждал же, что не знаю, когда вернусь. Ну да. Она всё равно накрывает на стол. Всегда надеется, что приду вовремя.

И Дики – он всегда ужинает с нами. Аба никогда не остав-

ляет его без внимания.

– Милый, ты успел к ужину! – радуется Аба, хлопая в ладоши и тут же целуя меня в макушку, когда я наклоняюсь обнять её.

С Дики мы приветствуем друг друга привычным ударом кулаков.

– Ты уже закончил работу с этими винтажными машинами? – показывает он, будто между делом, но глаза у него слишком внимательные.

– Да. Сегодня был последний день, – отвечаю, наливая себе воды.

– Это была интересная работа. Я был в восторге. Среди машин, о которых мечтал ещё пацаном. И заработать получилось неплохо.

А то, что я встретил женщину, которая сводит меня с ума с первой секунды... это я проглатываю. Но, видимо, не очень успешно, потому что чувствую, как на мне висят взгляды Аба и Дики.

– Надо же, дорогой! – восторгается Аба.

– Я и не знала, что ты настолько любишь такие машины. Ты просто светишься!

Светишься... Ага. Это не машины.

Пью воду, чтобы хоть как-то скрыть улыбку. Но ловлю взгляд Дики – пронизательный, цепкий. Он-то точно понял. Ему незачем угадывать. Чёрт. Он не отвяжется. Я знаю этот взгляд: “Ну? Говори уже”. И я всё скажу. Я всегда был с ним

честен. Он – моя семья, как и Аба.

После ужина я спускаюсь в свой маленький зал, чтобы немного позаниматься перед сном. Дики, конечно же, идёт за мной – как будто всё это время только и ждал, когда я наконец спущусь. Я бросаю на него взгляд, стягиваю футболку.

– Что? – спрашиваю сухо.

Он прищуривается и начинает активно жестикулировать.

– Не притворяйся. Ты отлично знаешь, о чём я. Ты не можешь от меня скрыть, что что-то произошло... что всё изменилось. – Его жесты резкие, уверенные. – С тех пор как ты выиграл гонку и вернулся, ты другой. Но последнюю неделю – ещё сильнее. Ты стал... нормальнее. Мягче. Не такой холодный, не такой замкнутый. И как сказала Аба – ты светишься. Так что выкладывай. В чём дело?

Я шумно выдыхаю.

– У меня завтра встреча. С кое-кем, – признаюсь, уже заранее готовясь к его реакции.

Лицо Дики буквально вспыхивает.

– С женщиной? – показывает он.

Я киваю.

– Ты расскажешь мне подробности? – его жесты становятся быстрыми, почти взволнованными.

– Особо нечего рассказывать, – отвечаю, почесывая затылок. – Мы познакомились на гонках. Она участвовала – первый раз. После этого ещё пару раз сталкивались... и догово-

рились увидеться завтра.

Сказал – и даже сам слышу, как по-дурацкий это звучит для человека, который всегда держит стены выше неба.

– У тебя свидание, – показывает Дики, глаза вспыхивают так, будто это у него встреча, а не у меня.

– Свидание? – переспрашиваю я. – Да нет.

Он поднимает брови, мол, а что тогда? И я сам злюсь, что не могу ответить. Я даже не знаю, что между нами происходит. Что мы будем делать завтра. Просто... хочу видеть её. Хочу рядом.

– Это считается свиданием? – шепчу я почти беззвучно.

– Ты купишь цветы? – показывает он.

– Что? Нет! Какие ещё цветы? Это не свидание! Просто... мы решили увидеться.

Звучит так, будто я оправдываюсь перед собственным другом. Отлично.

– Успокойся, – показывает он. – Не нужно нервничать. Если она тебе нравится и хочешь видеть её дальше, ты не можешь просто так пойти на свидание.

– Хватит уже называть это свиданием, – взрываюсь я. – И вообще, можно закончить этот разговор? Я пока сам ничего не знаю. Это всего лишь... первая встреча. Всё.

Я отворачиваюсь, чтобы спрятать раздражение – или то, что за ним прячется. Но он, чёртов призрак, снова оказывается передо мной, блокируя проход.

– Я скажу одно и уйду, – показывает он уверенно. – Не

знаю, что между тобой и этой женщиной происходит, но ты стал другим. В лучшую сторону. Ты нервничаешь, смущаешься, заикаешься. Ты стал задумчивым. И твоё лицо светится.

Он ткёт пальцем мне в грудь.

– За все годы я впервые вижу тебя таким. Так что... не проеби человека, который делает тебя таким.

Пауза.

– И купи хоть какие-то цветы, – показывает он, разворачивается и удирает, не дав мне ни одного шанса ответить.

Блять. Чёрт бы побрал. Теперь я начинаю злиться.

Цветы... серьёзно? Она ведь не та женщина, которую можно удивить цветами. Да вообще чем-либо. Хотя, кого я обманываю – я понятия не имею, что она за женщина.

За все наши три встречи она показала столько разных сторон, что я до сих пор не понимаю, какая из них настоящая. Или они все настоящие. Или ни одна. Я не знаю, что ей понравится. Не знаю, что её удивит. Не знаю, что её расслабит, что растревожит. Но одно я знаю точно: я просто буду собой. Всё. Не собираюсь притворяться кем-то другим. Не собираюсь играть в умного, богатого, холодного, недоступного, опасного – во всё то, что любят другие. Я буду просто... Матисом. И посмотрю, куда это нас приведёт. Вот и всё.

Я еду по адресу, который прислала Лий. Заберу её из отеля, где она остановилась. И пока машина несётся вперёд, ты-

сячи мыслей шарахает по голове, одна громче другой. Это впервые... впервые, когда я вот так еду встречаться с женщиной. Не для одной ночи. Не для того, чтобы закрыть в себе дыру. Не для того, чтобы использовать и позволить использовать себя в ответ. Раньше у меня всё было просто: никаких имён, никаких историй, никаких ожиданий. Никаких чувств. Только ночь, и всё. Но с Лий всё иначе. И я не понимаю, что это. Действительно ли я еду на свидание? Готов ли я к чему-либо? Я не знаю. Единственное, в чём уверен – я не могу держаться от неё подальше. Мне нужно увидеть её. Услышать её голос. Чувствовать её рядом. Её присутствие... оно глушит всё внутри, всё, что рвёт меня по швам.

Дики настоял, чтобы я купил цветы, но я этого не сделал. Пока не уверен, что это вообще свидание. Пока не уверен, что мы будем видеться дальше. Не знаю, как она отреагирует, и не хочу выглядеть дураком, который сам себе придумал лишнее. И я предупредил Дики, чтобы он не говорил об этом Абе. Я не готов к её вопросам, к её счастливым взглядам, к её мечтам о том, что у меня появится семья. Я не хочу разбивать её надежды. Но и обманывать себя тоже не хочу. У меня никогда не будет семьи. Никогда.

Подъезжаю к месту, где она попросила меня ждать, и, заглушив двигатель, выхожу из машины. Оглядываюсь – её ещё нет. Снаружи я спокоен. Я всегда спокоен. Но внутри... внутри всё сжимается от нетерпения. Мне хочется прикос-

нуться к ней, вдохнуть её запах – тот самый, что, кажется, навсегда поселился во мне. Увидеть её безумно красивые глаза. Коснуться её губ. Ещё. И ещё.

Раздаётся звук каблуков. Я оборачиваюсь – и застываю.

Господи... какая же эта женщина завораживающая. На ней короткое, облегающее чёрное платье, чёрные чулки, высоченные каблуки. На плече висит короткая кожаная куртка. Она выглядит как богиня ночи. Её длинные прямые волосы колышутся от лёгкого ветра. Её походка уверенная. Красивая. Чертовски красивая. И когда наши взгляды встречаются, я понимаю, что она смотрит на меня каким-то особым взглядом – тем, который я пока не могу расшифровать. Но который мне отчаянно нравится.

Она подходит совсем близко. Стоит передо мной. А я забываю, кто я, что я... и вообще как дышать.

– Ты прекрасна, – наконец выдавливаю я.

– Ты тоже ничего, – отвечает она, игриво улыбаясь, медленно скользя по мне взглядом сверху вниз. И по её глазам я вижу: ей нравится то, что она видит.

Я беру прядь её волос, пропускаю её между пальцами, рассматриваю её уже без стеснения. И в голове появляется опасная мысль: я не хочу, чтобы кто-то ещё видел её такой. Потому что каждый ублюдок, увидевший такую женщину, захочет забрать её себе. А я... я не готов. Я не хочу отдать её.

– Куда хочешь пойти? – спрашиваю наконец.

– Туда же, куда и ты, Матиас, – отвечает она, выделяя моё

имя и прикрыв глаза, будто смакуя его.

Теряя контроль, беру её за подбородок, резко притягиваю к себе и целую в губы. Потом, обхожу машину, усаживаю её на пассажирское сиденье и закрываю за ней дверь. Сажусь за руль и сразу замечаю, что она сняла куртку, небрежно бросив её в сторону. Передо мной открывается вид на её длинную шею, хрупкие плечи и слишком щедрую, чертовски манящую линию декольте. Я крепче сжимаю руль и заставляю себя смотреть на дорогу. И тут до меня доходит: я даже не знаю, куда её везти. Для ужина уже поздно. А куда вообще водят женщин? Чёрт... я никогда ещё не чувствовал себя настолько уязвимым перед кем-то.

– Я просто хочу быть с тобой. Без посторонних, – произносит она вдруг, будто читает мои мысли. – Мне всё равно где. Можем просто остаться в машине и говорить ни о чём и обо всём.

Я не хочу признавать, что никогда в жизни так не проводил время с женщиной. Поэтому просто улыбаюсь.

На красном светофоре к нам подбегает мальчишка с цветами в руках.

– Купите даме цветы? – протягивает он мне один цветок. Я поворачиваюсь к Лий и вижу, как она смотрит на букет. – Я возьму все, – говорю я.

Лицо мальчишки вспыхивает счастьем. Я протягиваю ему деньги, уезжаю и кладу цветы ей на колени.

– Почему ты взял всё? – спрашивает она, прижимая их к

себе и вдыхая аромат.

– Потому что уже поздно. Он бы всё равно не успел продать их.

– Я думала, ты скажешь что-то вроде: «потому что ты достойна большего, чем один цветок». Но твой ответ... даже красивее, – улыбается она и целует меня в щёку.

– Спасибо, Матиас.

Она гладит тыльную сторону моей руки, и у меня перехватывает дыхание.

– Все цветы мира меркнут на твоём фоне, – вырывается у меня. Даже неожиданно для самого себя.

Но я мгновенно чувствую, как её настроение меняется.

– Что? Я что-то не так сказал? – бросаю на неё быстрый взгляд.

– Просто... – она кусает губу, хмурится. – Представила, как ты катаешь кого-нибудь ещё так же и говоришь вот такие красивые речи.

Я невольно смеюсь.

– Я никому даже близко ничего подобного не говорил, – отвечаю честно.

– Ага, конечно, – бурчит она. – Сексуальный, красивый мужчина мечты – и никому? Не верю.

Я едва удерживаюсь, чтобы не сорваться с места и не затащить её к себе на колени прямо сейчас. То, что я ей нравлюсь, делает меня безумцем.

Она кладёт руку мне на бедро и наклоняется ко мне.

– Ты трахал кого-то после нашей ночи? – спрашивает тихо.

Блять. Я резко торможу. Перевожу взгляд на неё. Она смотрит тревожно, будто не готова услышать ответ. Потом опускает глаза. Я беру её за подбородок и заставляю смотреть на меня.

– У меня никого не было, – отвечаю.

Она сглатывает.

– А ты позволила кому-то трогать тебя? – спрашиваю я, чувствуя, как во мне растёт ярость, ревность, голод.

Наше дыхание становится одно на двоих. В салоне машины нечем дышать.

– Нет, – шепчет она. – На моей коже до сих пор обжигающие следы твоих рук.

Всё. Меня рвёт. Я целую её так, будто прошли годы, а не недели. Боже, как же я скучал по её вкусу, её губам, её горячему дыханию. Она отвечает мне так, словно сходила с ума точно так же, как и я. Забирается ко мне на колени, и наш поцелуй становится грязным. Порочным. Нестерпимо жадным. Прижимается ко мне, а я сжимаю её задницу так сильно, что она стонет мне в губы. Мысли о том, что нас могут увидеть проезжающие машины, всё ещё живут где-то на периферии, но быстро тонут.

Держа её на себе, одной рукой завожу двигатель, другой удерживаю её бёдра. И почти вслепую сворачиваю в сторону деревьев, уводя нас в темноту, где нас никто не увидит. Когда

убеждаюсь, что дорога осталась далеко позади, выхожу из машины, удерживая её на руках. Сажая на капот – и в ту же секунду мои ладони жадно скользят по её телу, как будто мне нужно удостовериться, что она настоящая, что я наконец-то получил её обратно.

Пальцы прорываются под платье, впиваются в её бёдра – крепко, властно. Я ощущаю, как она дрожит.

– Я больше не могу ждать. Покажи мне, насколько ты соскучился, – шипит она, прикусывая мою нижнюю губу так, что я едва не теряю контроль.

Господи... она понятия не имеет, насколько. Ухмыляюсь её смелости, опускаю на землю, разворачиваю спиной и одной рукой прижимаю к капоту. Её тело само выгибается мне навстречу. Платье поднимается, открывая крошечные трусики, которые больше раздражают, чем скрывают.

– Не двигайся, – мой голос срывается на хрип, и от этого её дыхание становится резче.

Сажусь на корточки за её спиной, медленно провожу ладонями по её ногам, заставляя её раздвинуть их шире. Поднимаю платье полностью, будто открывая подарок, от которого теряю голову.

Пальцы цепляют тонкие ленты её белья – и я тяну их вниз нарочно медленно, растягивая её ожидание до боли.

– Трахни меня уже... – её голос дрожит, она стонет, как будто я мучаю её слишком долго.

И блять... мне нравится, что она уже ломается.

Когда она перешагивает, освобождая ноги, я выпрямляюсь и шлёпаю её так, что звук отдаётся по капоту. Она вздрагивает, тихо хнычет, но не пытается уйти. Даже наоборот – выгибается сильнее, будто просит ещё. Я наклоняюсь, зубами отмечаю место удара и оставляю медленный поцелуй. Контраст заставляет её выдохнуть резко, почти судорожно.

– Я не собираюсь быть нежным, Лий. Не сегодня. И я хочу слышать всё, что ты будешь делать ради моего члена. Каждый звук. Каждый стон. Всё, что я из тебя вытащу, – шепчу ей в ухо, и чувствую, как она едва держится на ногах.

Завожу её руки назад, перехватываю запястья и связываю их её же трусиками. Она подаётся вперёд, покорно, без единого протеста, будто сама отдаёт мне себя. Её дыхание горячее, сбивчивое, почти болезненное. Она полностью в моей власти. И мне становится чертовски трудно оставаться человеком, а не зверем, который готов разорвать мир, лишь бы она оставалась вот так – передо мной, связанная, дрожащая, покорная и нуждающаяся.

Как после этого, чёрт возьми, мне удержаться, чтобы не сорваться полностью? Я теряю контроль, не могу ждать ни секунды. Освобождаю из брюк, болезненно – каменный член и врезаюсь в неё, одним резким движением до конца. Она вскрикивает и я рычу от безумных ощущений. Какая же, горячая, влажная, живёт каждым моим движением, и мы стоим одновременно, будто слились в одну бурю. Сильно сжимаю её бёдра, притягиваю ближе, чтобы почувствовать каж-

дое движение.

– Вот как я скучал! – рычу, вбивая ритм в хаос ощущений. Она вскрикивает, хнычет, дрожит, полностью отдаваясь мне.

Блять... это слишком, как же тесно... Я хочу прожить каждую секунду здесь и сейчас, теряясь в её реакции.

– Не сдерживайся, – слышу её умоляющий голос, и это поджигает меня ещё сильнее.

Я двигаюсь, как одержимый: быстро, резко, безжалостно, и каждый толчок – это взрыв. Не только тело, но и эмоции горят в нас обоих, с каждой секундой накал усиливается. Я прижимаю её к себе, целую, оставляю свои следы на её коже, словно кричу миру: «Она моя!».

– Прикоснись ко мне, – просит она, дыхание сбивчивое, голос дрожит от силы и скорости.

Я дразню её, пока она капает на мою руку, двигаюсь точнее, сильнее, довожу до предела. Она кричит, взрывается, сжимает меня всем телом, отдаваясь полностью. Я не выдерживаю, издаю длинный стон, теряюсь в этой буре, взрываюсь вместе с ней, и весь мир сжимается до этого одного момента безумия, страсти и огня.

Наше дыхание сбивчивое. Мы дрожим – и вовсе не от холода. Дышать больно, черт возьми, но я всё ещё твёрдый. Я не насытился, только начал.

– Хочу ещё, – шепчу, наклоняясь, целую её в шею.

– Я твоя всю ночь, возьми всё, что хочешь, – отвечает она тихо.

Этого достаточно. Я разворачиваю её к себе, усаживаю на капот и встаю между её ног. Развязываю руки, пока жадно целую губы. Она обнимает меня, оставляет поцелуи по всему лицу своей привычной манерой. Я теряюсь во времени, не замечаю, сколько раз беру её и сколько часов мы здесь.

Когда она снова скачет на мне внутри машины, словно ночь только началась, я беру всё, что она предлагает. И тогда замечаю рассвет.

Она сидит у меня на коленях, уронив голову на мою грудь. Я обнимаю её за талию, прижимаю ближе и вдыхаю запах её волос – уже до боли знакомый, почти родной.

– Я спать хочу... – зевает она, едва слышно.

– Давай отвезу тебя. Отдыхай, поспи сегодня, – отвечаю, осторожно перекладывая её на пассажирское сиденье.

– Ты тоже, Матиас. Не работай сегодня, – бормочет она сонно, прикрыв глаза.

– Я привык к нагрузке, – улыбаюсь, подмигивая ей, чтобы не видела, как трясёт меня внутри.

Она в ответ устало улыбается – такая мягкая, спокойная...

По дороге меня вдруг накрывает. Как с ней прощаться? Что сказать после такой ночи? После всего, что она вытянула из меня, вывернула, вскрыла? Я не готов её отпускать. Всё остальное тонет в тумане.

Перед её отелем я останавливаюсь. Нервы дергают изнут-

ри, как струны.

– Я... – начинаю, но слова предают меня

– Матиас, – она берёт меня за руку, и я замираю.

– Ничего не нужно говорить. Мы не обязаны играть по правилам общества и повторять их шаблоны. Нам было хорошо, и этого достаточно. Не всегда нужно давать всему название. Давай просто... оставим всё как есть. Будем делать то, что чувствуем. Не будем портить то, что у нас есть, лишними словами.

Эта женщина... она не перестаёт меня разносить. Сегодня я увидел в ней ещё одну сторону – чертовски настоящую. Чертовски правильную. Чертовски идеальную.

– Давай будем друг у друга единственными. Я не хочу, чтобы кто-то прикасался к тебе. – говорю я тихо, но твёрдо.

– Эта привилегия только для тебя? – прищуривается она, и в её взгляде что-то горячее, колющее.

– Ты правда думаешь, что после такой ночи меня может интересовать хоть кто-то? Я весь твой, – отвечаю без тени сомнения. Даже пугаясь собственных слов.

– Я тоже твоя, второй, – дразнит она меня.

Целует в губы и забирает свои цветы.

– Пока... – говорит она напоследок и выходит из машины.

И это её «пока»... Я так и не понял – она попрощалась или дала понять, что остаётся моей, пока...

Глава 7. Лий

Мать твою. У меня болит всё тело. И даже горячая ванна не помогает. Но улыбка не сползает. Чёртова, упёртая, идиотская улыбка всё равно держится на моём лице. Кто бы мог подумать, что Матиас Сильва окажется таким? За сдержанной, холодной, недоступной маской – грубый, доминантный, жёсткий мужчина, который любит контролировать, любит подчинение, любит секс, от которого сносит крышу. Чёрт. Я никогда не переживала ничего подобного. Хотя... учитывая мой прошлый опыт, неудивительно.

В голове у меня всё идёт по плану, но в душе – нет. В душе будто что-то перешло грань. Я не люблю себя обманывать, всегда честна перед собой. И чувствую, как меняюсь рядом с ним. Понимаю, что всё, что между нами происходит, – не ложь, не игра, не роль. Я с ним настоящая. Это должно бы пугать. Должно давить. Но не пугает. И не давит.

Поэтому решила: я возьму всё, что могу взять. Пока мы вместе. Пока не наступит конец. А он наступит. Неизбежно. Потому что есть цели, важнее любых чувств, эмоций, стремлений. Важнее всего.

Пока я сидела дома всю неделю – если это место вообще можно назвать домом – едва не сорвалась. Принимала таблетки чаще, чем нужно. Всё из-за того, что мне пришлось дважды столкнуться с матерью на мероприятиях, которых я не могла избежать. Потому что сам Берт Байрон этого за-

хотел. А его желание – закон. Он вызвал меня, чтобы передать новые проекты. Работа всегда важнее. Но какой же была моей радостью его следующая фраза: «В любом случае ты в Колумбии. Останься там. Полностью займёшься проектом с отцом Кейна». Да, мне придётся временно отойти от собственного плана и работать ещё и на отца. Но зато не нужно будет оправдываться, почему я так задерживаюсь там. Я почти умоляла Леона поехать со мной – чтобы распределить нагрузку и чтобы он взял слежку за мной на себя. Я знаю, что дедушка с бабушкой следят. Отец с матерью – нет. Они уверены, что я достаточно «идеальна», чтобы не сбиться. Но дедушка с бабушкой знают меня. Знают, что я умею исчезать. Поэтому честно сказала Леону, что у меня есть парень, с которым провожу время. Он, конечно, ничего не заподозрил. Только фыркнул: «Рад за твою новую игрушку. Но зачем ты мне это говоришь?»

Этого достаточно. Он убедит семью, что сам прекрасно справится с контролем надо мной. А они ему доверяют.

Теперь я могу спокойно быть с Матиасом. Не придумывая оправданий. Не опасаясь, что кто-то что-то заметит. Потому что, стоит им узнать о нём... стоит им услышать его фамилию... Они мгновенно поймут, зачем я рядом с ним. Поймут слишком многое. И запрут меня. А запертая я – это смертный приговор.

Я всю жизнь делала то, что от меня требовали. И чем это закончилось? Моим концом. Но они так не считают. Им

легко рассуждать, когда им незнакомы такие чувства. Они всегда выбирали статус, работу, амбиции. Только не семью. Только не своих детей.

Перед вылетом ко мне приехала моя сестра. Единственная. Двоюродная. Мой единственный друг – когда-то. Полная противоположность мне: тихая, уступчивая, домашняя, идеальная. Та, какой её хотят видеть – и ей даже не приходится притворяться. Всю себя отдаёт семье, детям. Иногда у неё почти нет времени на меня. И, может, это даже к лучшему. Я больше не готова быть с ней откровенна, как раньше.

Она спросила, всё ли со мной хорошо. Но её взгляд выдал больше: она увидела маску. Всегда видела.

Она ничего не говорит. Знает, что нужных слов нет. Просто бывает рядом. Обнимает. Поддерживает. И за это я благодарна. Анира и Леон – последние люди, к кому у меня остались тёплые чувства. А Леон... этот засранец отказался лететь со мной. Полетел на другом самолёте. Не знаю, чего в этом больше – избалованности или мастерства. Но я привыкла. И, честно, так даже лучше. Я не готова к его внимательному взгляду и резким вопросам, от которых он любит меня застать врасплох.

Я выхожу из ванной, едва передвигая ноги. Ложусь в постель, даже не пытаюсь притвориться бодрой. Сейчас утро, но я вымотана до потери дыхания. Принимаю таблетки, закрываю глаза... и снова вижу его. Нашу ночь. Его взгляд. Его руки. То, как он меняется рядом со мной. И как меняюсь

я. В груди снова появляется эта щемящая, острая боль. И я понимаю: я не собираюсь избавляться от неё. Не собираюсь избегать его. Я проживу всё, на что способна с ним. Возьму всё без остатка. И отдам всё без остатка. А потом уйду. Раз и навсегда.

Просыпаюсь только под вечер и, взяв телефон, сразу вижу сообщение от Матиаса. Улыбка сама трогает губы, будто у меня нет на неё права. Он спрашивает, как я себя чувствую.

Я, не думая, печатаю, что выпалась, но у меня до сих пор всё болит из-за его огромного члена. И только после отправки понимаю, что это было слишком грубо. Не элегантно. Не... женственно. Чёрт бы меня побрал. Нужно сначала думать, а потом говорить. Но я, как обычно, делаю наоборот. Всегда. Ожидаю, что он засмеётся или просто проигнорирует. Но он отвечает: «Привыкнешь.» Мой рот открывается сам. Вот он какой – настоящий Матиас Сильва. Он совсем не такой, как я думала. Когда мне собирали информацию о нём – её было до смешного мало, учитывая, кто его отец. Естественно. Никто в мире не достанет мне больше, чем общедоступно. Но я была уверена, что он другой. Полностью другой. Так думала в первую встречу. Во вторую. Но теперь, постепенно, моё мнение о нём меняется. Радикально. И, чёрт возьми, мне нравится то, что я вижу.

Мне нужно бы закончить всё быстрее. Пока я не начала тонуть в нём. Пока не позволила себе слишком многого.

Но у меня нет другого выхода, кроме как через него добраться до его отца. Ибо Сильва-старший – не тот, кого можно поймать где-то случайно. Он не появляется нигде.

Я могу войти в любые двери – в самые элитные и в самые тёмные. Но он не появляется ни в одних. А там, где появляется он... нужно быть либо серийной убийцей, либо жертвой серийного убийцы. А это уже не вариант. Поэтому приходится использовать... Матиаса.

И от этих мыслей у меня сводит желудок. Неприятие скручивает внутри, будто я проглотила ком из стекла.

Я умираю с голоду, поэтому наскоро собираюсь, чтобы спуститься и поесть. Но, прежде чем выйти, достаю свой тайный ноутбук – тот самый, который я, естественно, притащила с собой. Надежд ноль. Всегда ноль. Но проверить нужно. Есть ли хоть какие-то вести от моих людей, которые уже некоторое время прочёсывают весь мир в поисках его. И сердце замирает, когда вижу новое сообщение.

Один из моих написал: есть слухи, что через десять дней он будет на ледяных гонках. Информация недостоверная. Почти шёпот. Но я слишком хорошо знаю, что пустыми такие слухи не бывают. Что прикажете? – спрашивает он.

Руки начинают дрожать. Пальцы цепенеют. Паника поднимается к горлу, как кипяток. Я хватаю лекарства и глотаю сразу два. Надеюсь, подействует быстро. Наконец... наконец-то у меня зацепка. Неужели?

Это точно не дым без огня. С его вкусами – да, он может быть там. Очень может. У меня есть шанс поймать его. Шанс. И если у меня это получится... Мне больше не нужен будет Матиас. Вернее... мне придётся исчезнуть. Исчезнуть так, чтобы никто меня больше не нашёл.

Значит, возможно, у нас с ним остались последние десять дней. Последние десять дней, которые мы можем прожить вместе. После – пустота.

Пишу своему человеку: дальше я сама. Никому из них туда нельзя. Да они и не смогут. Это место для избранных. И мне просто повезло быть среди них. Мне нужно идти самой. Это несложно, но я должна остаться анонимной. И я знаю единственного, кто сможет всё устроить. Беру телефон и записываю голосовое.

– Привет, Уилл. Мне нужно место на ледяных гонках через десять дней – и как участнику, и как гостю. Полная анонимность. Никто, кроме тебя, не должен знать. Ни малейшего шанса на утечку моего имени.

Уилл – организатор и владелец этих гонок. – сделает всё. Он никогда мне не отказывает.

Желание есть пропадает мгновенно. Я просто опускаюсь на пол рядом с кроватью. Сил нет ни стоять, ни думать правильно. Тысячи мыслей разносят голову в клочья. Лекарство уже начинает действовать – хаос чуть-чуть стихает, паника отползает, но мысли... мысли продолжают терзать. Если я действительно найду его там... это будет конец. Абсолют-

ный. Ни Сильва-старший, ни Матиас, ни кто-либо другой мне больше не понадобится. Мне вообще больше никто не понадобится. Я пойду в ад – и потащу его туда с собой. Наконец.

Забавно, правда? С детства вокруг меня всегда были мальчишки, парни, мужчины, которые готовы были ради меня на всё. И сейчас таких ещё больше. Но тот единственный, кто должен был быть моим спасением... стал моим худшим монстром. Самым страшным существом из моих кошмаров. Моим разрушением. Мой мир и так стоял на волоске – семья, обязанности, ожидания. Но после того, что он сделал...

Нет никакого мира. Нет никакой меня. Нет вообще ничего.

Всё, что сейчас есть в моей жизни, – это фасад. Фасад, чтобы от меня отстали. Фасад, чтобы думали, что всё как раньше. Фасад, пока я не доберусь до него. Пока не сделаю то, что должна была сделать в тот день. И что сделаю... теперь точно.

В следующие несколько дней я просто просыпаюсь и засыпаю в офисе Кейна. Буквально. Мы с Леоном торчим там круглые сутки, потому что отец контролирует каждый наш шаг. И если мы вдруг не окажемся на месте – мы оба знаем, чем это закончится. Поэтому, пока этот чертов проект не завершится, он нас не отпустит. Сегодня – последние приготовления, и наконец-то мы сможем немного выдохнуть, пока

не начнётся основная часть.

Я уже валяюсь с ног и прошу Леона отвезти меня в отель.

Все эти дни я почти не общалась с Матиасом – у меня просто не было времени даже поесть, не то что увидеть его или хотя бы поговорить. Он просил о встрече, просил хотя бы звонок – просто услышать мой голос. Но я не могла. Хотя... даже сквозь усталость я дико скучала. По нему. По его телу. По тому, как он касается меня, как смотрит, как целует. Поэтому завтра обязательно увижусь с ним. И от этой мысли мне впервые за несколько дней становится спокойно.

– Редко увидишь улыбку на твоём уродливом лице, – бросает Леон.

Я поворачиваюсь к нему, бросаю презрительный взгляд. Хотя привыкла к его грубости. Да и мой язык, если честно, куда хуже. Но слышать такое от младшего брата – всегда неожиданно.

– Посмотри на себя, идиот. Мужчины к моим ногам падают, – фыркаю я.

– Ага. К твоим ногам. Нет, они падают к ногам твоей власти и фамилии, – ухмыляется он.

– Любая твоя жена будет обкрадывать тебя из-за твоего статуса, – парирую я. – И видеть в тебе только кошелёк. Понимаешь, да?

– Ты думаешь, мне позволят жениться на бомжихи? – спрашивает он, и я уже не сдерживаюсь: смеюсь.

Мы оба смеёмся. Хотя это и не смешно. Скорее... печаль-

но.

– Нет, конечно, братик. Ты должен жениться только на той, у кого статус соответствует нашему, – каркаю я театрально.

Он снова криво усмехается, но улыбка гаснет.

– И даже после того, что с тобой произошло... это никому не стало уроком. Они всё равно будут заставлять нас делать то, что хотят. Только не понимаю, почему всё ещё держимся за них. Мы же не тупые. Можем сами зарабатывать. Может, не так много, как они, но достаточно, чтобы жить так, как привыкли. Но всё равно держимся за их грёбанные, бездушные тела. Почему? – спрашивает он. Даже не меня. А будто сам себя.

– Может, потому что, несмотря ни на что... мы их любим, – отвечаю я. Тоже не ему, а себе.

– Фу! – морщится он, и я качаю головой, едва сдерживая улыбку.

Мы оба знаем и понимаем, в чём дело. Просто не можем произнести это вслух. Дело не в том, что мы держимся за них. Совсем нет. Мы держимся за них, потому что прекрасно знаем: они не дадут нам выжить в этом мире без себя. Куда бы мы ни пошли, что бы ни попытались построить – они всегда окажутся на десять шагов впереди. И сделают всё возможное, чтобы у нас не осталось ни одного выбора, кроме как вернуться к ним. Назад. В их систему. В их гребенную золотую клетку. Вот такая у нас любящая, замечательная се-

мья. Та, которую так принято показывать миру – идеальной. А на деле это просто власть, контроль и выжженная земля. И мы – их дети – приросли к ней цепями, которые никто из нас не в силах разорвать.

Подходя к отелю, я замечаю Матиаса сразу. Он стоит рядом с машиной, то смотрит на телефон, то на вход, будто кого-то ловит глазами. Он нервничает. Эта эмоция на его лице – совершенно чуждая. И я вижу, что не только мне он бросается в глаза. Леон тоже замечает.

– Кто это? Твоя новая игрушка? – лениво бросает он, скользнув взглядом по Матиасу.

– Прекрати, – шиплю, щипнув его за руку.

Мы прощаемся, и я выхожу из машины. Матиас сразу поднимает взгляд. Сначала на меня. Потом – на машину, из которой я вышла. И его глаза... да, это шок. Настоящий. Он увидел Леона. И то, что мы похожи как два осколка одного проклятого зеркала. Поэтому его взгляд мечется между мной и машиной, будто мозг пытается быстренько собрать пазл. Меня это чертовски забавляет.

Леон, проезжая мимо, высовывает руку в окно и показывает мне средний палец. Конечно же, я отвечаю тем же. Придурок.

И с этой приятной братской нежностью я иду к Матиасу, вставая перед ним.

– Я не мог больше ждать, – произносит он, забыв о шоке и

снова впиваясь в меня взглядом. — Хотел тебя увидеть хотя бы на пять минут. Но подумал, вдруг ты спишь. Думал, стоит ли звонить...

Он не успевает договорить. Я просто тянусь к нему, обнимаю за шею и целую. Крепко. Жадно. Вкладывая в этот поцелуй всю тоску последних дней. Чёрт. Я что, только что призналась в том, что скучала? Да. Скучала. До злости. До боли в груди. По тому, как он смотрит, касается, как будто дышит мной.

Он обнимает меня почти сразу — резко, сильно, как будто тоже боялся, что я исчезну. Углубляет поцелуй, и мир вокруг пропадает.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, он шепчет:

— Я так понимаю... это был твой брат?

— Как ты узнал? — спрашиваю я невинно.

Он ухмыляется.

— Ваша схожесть поразительна. Особенно глаза. Эти... нечеловеческие неземные глаза.

— Нечеловеческие? — приподнимаю бровь.

— Да. Ты их в зеркале не видишь? Они светятся. Как солнце. Я такие никогда не видел. Ни одно определение света не подходит под то, что в них. — Он смотрит на меня так, будто заглядывает глубже, чем я бы хотела. — И, честно, меня раздражает, что твой брат посмел иметь такие же.

Он убирает прядь моих волос за ухо, и мне хочется улыбнуться, но я держу себя в руках.

– Я рада, что ты приехал. Это как лекарство от усталости, – всё же улыбаюсь.

– Я даже не подозревал, что быть безумно богатой – такая тяжёлая работа, – хмыкает он.

– Как видишь, нелегко быть даже безумно богатым, – закатываю глаза.

– Когда мы сможем увидеться нормально? Не на пять минут, а... нормально? – Он перебирает мои волосы между пальцами, будто не замечает, что делает это.

– У меня двухнедельный перерыв перед основной частью проекта. Так что я вся твоя, – кладу ладони ему на грудь.

– Тогда завтра? – в его голосе слышна почти мальчишеская радость.

– У тебя что, жена и дети дома? – спрашиваю я, приподнимая бровь.

Он моргает.

– Что?

– Что тебе мешает видеть меня сейчас? Остаться со мной сейчас. Всю ночь. До утра. – произношу тихо, внимательно глядя ему в лицо.

– Ничего, – отвечает он не раздумывая.

Он берёт меня за руку. И мы идём в отель. В мою комнату.

После нескольких раундов умопомрачительного секса мы утомляемся и отключаемся в объятиях друг друга. Точнее – Матиас отключается. А я... нет. И вовсе не потому, что в моей голове, как обычно, хаос, шум, рваный поток тревожных

мыслей. Наоборот. Там неожиданно тихо. Спокойно. Ровно. И – боже – без лекарств. Как такое вообще возможно? Я никогда в жизни рядом с кем-то не чувствовала покоя. Не расслаблялась. Не позволяла себе привязываться. Никому, кроме...

Я резко встряхиваю головой, обрывая мысль. Нет. Не сейчас.

Меня всю жизнь окружали люди. Толпы. Сотни. Не потому что я хотела. Потому что так нужно было. Так требовала роль. Фамилия. Обязанности. Кровь.

Единственные, рядом с кем я могла хотя бы на десять процентов быть собой – это Леон и Анира. Да и они видели лишь часть меня. Приемлемую. Безопасную.

В остальном я всегда должна была держать лицо, контролировать слова, движения, дыхание. Всегда.

Но рядом с Матиасом... Я просто я. Хотя, иронично, именно с ним я должна играть. Держать маску. Хранить тайны. Выполнять план. Но у меня не получается. Я не могу. С ним всё происходит само. Как будто... как будто мы слишком одинаковые. Или наоборот – слишком разные, но на какой-то глубинной, болезненной частоте совпадаем идеально. Как будто у нас одна душа на двоих. Две половины одной трещины. Одно и то же ранение, просто порезано разными руками. Нам не нужны разговоры. Объяснения. Чужие правила. Только близость. Только присутствие. Эта тяга – острая, жадная, неправильно-правильная. И она же – самая

опасная. Потому что я знаю, чем всё закончится. У всего есть срок. И у нас тоже. Но вот интересно...

Что думает он? О нас. О том, что между нами растёт. О том, что он держит сейчас в руках. Он понимает, во что лезет? Или, как и я, просто летит навстречу огню, пока ещё можно не думать о том, что будет, когда всё сгорит?

Проснувшись, я не обнаруживаю Матиаса рядом, но слышу шум воды в душе. Улыбка сама появляется на губах. Встаю с постели и иду к нему. Он замечает меня через стекло и ухмыляется.

– Доброе утро, пантера, – его голос низкий, хриплый, вода стекает по его телу, и от одного этого вида живот сводит.

– Доброе, красавчик, – отвечаю, позволяя себе несколько долгих взглядов по его плечам, груди, всему остальному.

Я стягиваю с себя топ и трусики. Делаю шаг к душевой, но он поднимает руку, останавливая меня.

– Стой. Сядь туда, – кивает на пустое место рядом с раковиной. Его взгляд темнеет, становится тем самым, от которого у меня пропадает воздух.

Я моргаю, не понимая.

– Выполняй, Лий, – голос низкий, жесткий, командный.

Как такой спокойный, воспитанный мужчина превращается в тёмного, доминантного хищника – загадка, но чертовски приятная.

Я сажусь.

– Согни ноги... и раздвинь, – произносит он тихо, почти рыком.

Его взгляд прожигает между моих бёдер. Я послушно выполняю – и впервые в жизни внутри появляется смущение. Настоящее. Он смотрит слишком внимательно. Слишком жадно. Слишком... моё.

– Хорошая девочка, – шепчет он. – Я хочу, чтобы ты была готова для меня.

– Коснись себя, Лий, – его голос низкий, уверенный. – Сделай себя мокрой для моего члена.

Когда я касаюсь себя, из груди вырывается глухой стон, голова сама запрокидывается назад.

– Блять... – рычит он так, будто это сводит его с ума.

Я не успеваю опомниться, как его руки уже на моих бёдрах – и в следующее мгновение мои ноги оказываются на его плечах. Он наклоняется ко мне, и то, что он делает ртом, заставляет тело выгнуться дугой, пальцы вцепляются в край раковины. Жадно пожирает меня, как будто я его завтрак. Он действует уверенно, умело, будто знает каждую мою реакцию заранее, будто чувствует меня кожей.

Боже... этот мужчина умеет обращаться с женщиной – слишком хорошо. И внутри вспыхивает дикая, собственническая мысль: я хочу быть единственной, кто знает, какой он на самом деле.

Когда накатывает оргазм, дыхание сбивается, мышцы дрожат. Он подхватывает меня на руки легко, будто я ничего

не вешу. Мои ноги сами обвивают его талию, пальцы цепляются за его плечи, а он притягивает меня ближе – настолько, что кажется, между нами уже не осталось воздуха.

Резким толчком, он вырывает из меня крик. Дальше двигается так, что я чувствую его всюду – глубоко, сильно, требовательно, так, будто я принадлежу только ему. Его рычание, неконтролируемые толчки, жадные поцелуи, приближают меня ко второй разрядке. Я позволяю ему пометить меня собой. Ему можно. Ему всё можно.

Закончив, мы вместе принимаем душ. Точнее, он справляется куда быстрее: вытирается, одевается и просто стоит, прислонившись к стене, пока я заканчиваю свою рутину. Не торопит, не давит – просто молча наблюдает, будто каждое моё движение для него лучшее зрелище.

– Если позволишь, я хочу накормить тебя в одном очень вкусном месте, – говорит он, когда я завершаю макияж.

– Я умираю с голоду, – простонав, отвечаю, чувствуя, как громко урчит живот.

Он тихо смеётся, берёт меня за руку, и мы вместе спускаемся к его машине. Матиас во время секса и Матиас в обычной жизни – два совершенно разных человека. В постели он доминирующий, требовательный, резкий, такой, от которого внутри всё сгорает. А в обычное время... он галантен. Спокойный. Всегда слушает, всегда спрашивает моё мнение, всегда заботится о том, чтобы мне было хорошо. И этот баланс... от него ликут оба мои начала – ангел и демон одно-

временно.

– Это не то место, к которому ты привыкла, но еда тебе понравится, – говорит он, пока мы ждём заказ в маленьком придорожном кафе.

– Шутишь? – я оглядываюсь, вдыхая запах жареного, кофе и свежего хлеба. – Это место атмосферное. И, честно говоря, мне нравится гораздо больше, чем все эти роскошные рестораны. Ты удивишься, но я с детства почти не помню, чтобы была в ресторане просто чтобы поесть. Это всегда работа, мероприятия, обязательства... и тарелки размером с мизинец. Но не еда. Поэтому спасибо, – произношу абсолютно искренне.

Он смотрит на меня внимательно, мягко, и спрашивает:

– Расскажи мне о себе. Ту часть, которую можешь. Я хочу знать тебя. Столько, сколько ты позволишь.

Его взгляд такой, что у меня снова внутри появляется этот мерзкий, сладкий трепет. И, честно... кроме нескольких вещей, о которых я никогда никому не скажу, я готова выложить всё.

Я вздыхаю и начинаю:

– Я Лий Байрон. Мне двадцать шесть. Родилась и выросла в Швейцарии. Кто мы по национальности – понятия не имею. Это скрывают как государственную тайну. Почему? Да бог их знает. Мне, если честно, неинтересно. Пожимаю плечами. – Всё моё детство – это обучение. Практически не

помню свободного времени. Иногда – когда бабушка с дедушкой буквально вырывали меня у родителей и нянь – могла пару дней отдыхать у них. У меня был маленький домик на дереве. Я мечтала о нём, и они его построили. До сих пор благодарна.

Я смотрю на свои руки.

– А остальное время – учёба. Курсы, секции, подготовки, бесконечные расписания.

Он слушает, не перебивая. Даже дышит тише.

– Отдыхала ли я? Да. Когда взрывалась. Когда сбегала. Бунтовала.

Я на секунду замолкаю.

– Несколько лет назад я серьёзно заболела. Долго. Больницы... дом... лечение. Сейчас всё хорошо, – успокаиваю его взглядом. – Но, знаешь, как ни странно, я была даже рада этому. Потому что впервые почувствовала хоть какую-то свободу. Мне позволили делать меньше. Позволили быть человеком, а не функцией.

Он смотрит на меня совершенно иначе. Не с жалостью – с пониманием.

– Если ты представляешь себе избалованного ребёнка богатых родителей – это точно не про меня. Мы с братом для них скорее продолжение статуса. Проект. Наследие. Но не дети, которых любят.

Я тихо усмехаюсь.

– Поэтому мы и избегаем родителей всеми силами. Я в

Швейцарии чаще живу у бабушки и дедушки – этот дом для меня куда больше дом, чем родительский. Леон сбунтовался окончательно и съехал год назад. А у меня... у меня нет дома. Я всё время в движении. Иногда у дедушки, иногда в пути, иногда работаю. А сейчас я здесь. По проекту с Кейном, с которым ты уже знаком. Меня было мало – отец отправил и брата.

Я заканчиваю, а он всё ещё смотрит на меня так, будто запоминает каждое слово. Будто ему это важно.

И впервые я не чувствую себя разоблачённой. Только услышанной.

– Не знаю, как это прозвучит. Не знаю, повлияло ли на тебя то, какую жизнь ты прожила, или люди, которые тебя окружали... но, кроме внешности богини и этих неземных глаз, ты идеальна во всех смыслах, – говорит он спокойно, уверенно, будто констатирует факт. – Гордая. Стойкая. Мягкая, когда хочешь быть мягкой. В тебе есть всё. Мы знакомы недолго, я понимаю это, – продолжает он, не отводя взгляда, – но я видел столько твоих граней... и каждая из них уместна. Каждая тебе идёт. И когда ты появляешься где-то, людям даже не нужно знать твою фамилию, чтобы оборачиваться.

Он наклоняется чуть ближе.

– Ты из тех королев, которым не нужна корона, чтобы о себе заявить.

Я просто перестаю дышать. Слушаю его – и у меня взры-

вается душа. Чёртовое сочетание горечи и счастья одновременно. Я слышала тысячи комплиментов о своей внешности – они давно стали фоновой музыкой.

Слышала сотни оценок своего характера – и они тоже стали банальными. Но то, что он сказал сейчас... То, как он меня описал... Чёрт. Разве могут всего лишь слова быть настолько точными, чтобы я почувствовала себя особенной? Настоящей? Видимой? Не знаю. Но этот мужчина каждый раз забирает у меня по частичке – и самое странное, самое пугающе-прекрасное в том, что я рада отдавать ему их.

Я сглатываю – и не знаю, как это комментировать. Как правильно реагировать. Что сказать. Поэтому просто отвожу взгляд, пытаюсь собрать свои эмоции в одно целое.

– Теперь твоя очередь, – тихо говорю я, наконец подняв глаза. – Расскажи о себе. Настолько, насколько можешь.

Повторяю его же слова – и он улыбается. В этот момент нам приносят кофе.

– Я Матиас. Просто Матиас, – произносит он с печальной, почти усталой улыбкой. – Мне двадцать восемь. Детство своё я помню слишком хорошо, потому что... мне приходилось выживать. Быть начеку. Не знаю, смог бы я вообще пройти через это без бабушки, которая у меня есть сейчас.

Он отворачивается на секунду.

– Про родителей сказать нечего. Их просто не было. Отца я не знал и не знаю. А мать... – его лицо мрачнеет. – Лучше бы её вообще не существовало.

Я вижу, как словам становится тесно в его горле.

И прежде чем он успевает уйти глубже в эту тьму, я беру его руки в свои.

– Не нужно, – шепчу. – Не говори то, что причиняет боль. Не вспоминай то, к чему ты не готов. Я понимаю. Иногда дело не в собеседнике. Иногда ты просто не хочешь произносить вслух то, что пытаешься забыть.

Я глажу его пальцы, чувствуя, как они напряжены.

– Я не жду от тебя ничего. Мне достаточно Матиаса. Просто Матиаса. Того, которым ты хочешь быть рядом со мной.

Он поднимает на меня взгляд. У нас у обоих стоят слёзы – тяжёлые, невыпущенные. Мы держим их внутри, потому что признать их вслух сложнее, чем выдержать боль. Но наши взгляды говорят больше, чем мы можем позволить себе произнести.

Он резко тянется ко мне и целует мои руки – каждую. В этих поцелуях благодарность. Облегчение. Что я не дёрнула его за невидимые нити, не заставила снова прожить то, что он всю жизнь пытается отпустить.

– Поэтому ты идеальная, Лий, – говорит он так, как будто выдыхает истину. – Ты всегда знаешь, что сказать.

Он смотрит на меня так, будто я – его единственное солнце.

– Я не верю в судьбу, но ты не чертова случайность. Ты как радуга. Как гром. Как буря. Как солнце.

И мне хочется просто раствориться в этих словах. Уме-

реть в них. Потому что впервые за долгое время я чувствую себя нужной. Настоящей.

Официант приносит завтрак, и нам приходится оторваться друг от друга. Мы оба делаем глубокий вдох, собираем себя по частям, натягиваем привычные маски – и продолжаем оттуда, где остановились.

Будет ли преувеличением сказать, что следующие пять дней стали лучшими в моей жизни? Нет. Ни капли. Эти дни состояли из умопомрачительных свиданий, безумного секса и эмоций такой силы, какую я, казалось, просто не способна была когда-либо испытать.

Вчера я попрощалась с Матиасом – по-своему. Не сказав ему ни слова правды. Просто вдохнула его запах так глубоко, будто хотела оставить его внутри себя навсегда, поцеловала каждую линию его красивого, мужественного лица – и забрала с собой все эмоции, которые он успел подарить мне за это время.

Я сказала, что уезжаю на несколько дней домой. Что отец позвал. Но не уточнила, что, возможно, не вернусь. Что это прощай, а не до скорого.

И вот сейчас, сидя в самолёте, я едва сдерживаю чувства, которые душат меня. Они давят в груди, подступают к горлу, пытаются прорваться через глаза – и я не понимаю, когда стала такой. Когда позволила мужчине превратить меня в это. Хрупкое. Открытое. Уязвимое. Я всегда думала, что

ничего не будет настолько серьёзным, чтобы я не пережила. Что, если придётся уйти – я уйду легко, потому что моя цель важнее. Но я не ухожу легко. Мне тяжело. Больно. Мне отчаянно не хочется оставлять его. Отворачивать от себя его руки. Оставлять его без себя. Но это не тот случай, когда ты выбираешь. Это тот случай, когда выбирают за тебя. Когда ты должна выполнять.

Поэтому сегодня вечером я должна быть на ледяных гонках. Должна найти его. Должна наконец встретиться лицом к лицу. И провалиться под этот лёд – вместе с ним. Как и должно было случиться в тот день.

Меня встречает машина прямо в частном аэропорту. Водитель – человек, которого отправил Уилл. Я сразу направляюсь туда, куда нужно. Мне необходимо быть там раньше всех, видеть всё своими глазами, понять, что к чему. Это может быть опасно, и мне нужно оставаться невидимой. Поэтому машина заезжает не через основной въезд, как у всех, а через тайный проход, где меня уже ждёт сам Уилл.

Когда выхожу из машины в туннеле, вижу его фигуру – он стоит с сигарой в руках. Увидев машину, бросает на бетон и уже в следующую секунду вытаскивает из кармана жвачку. Очередная привычка, которой я его когда-то научила. Столько лет прошло, а он всё ещё пытается мне угодить.

– Моя красавица, – протягивает он руки ко мне.

– Без прикосновений, Уилл, – яставляю палец и упи-

раю его в его грудь.

– Всё та же Мегера. Безумно красивая Мегера, – качает он головой и ухмыляется.

– Ладно, что у тебя по информации? – спрашиваю спокойно, пока мы идём вперёд по туннелю.

– Информации пока нет. Но ты же знаешь: без меня здесь ничего не двигается. Так что если появится хоть малейший слух – я узнаю первым, – уверяет он.

– Правда? Забыл, что было в прошлый раз? Тебя провести – не так уж и сложно, Уилл, – дразню его, бросая взгляд.

– Нет, с тех пор многое изменилось. Не волнуйся. Кстати, объясни мне, зачем ты попросила записать тебя как гонщика? Я тебе не позволю вылезти на лёд, в этих гребенных гонках, – он щурится на меня, как рассерженный кот.

– Спокойно. Я и не собиралась участвовать, не самоубийца же. И если бы собиралась – точно не спрашивала бы твоего разрешения. И вообще, разве эти гонки не твои? Почему ты тогда называешь их «гребенными»? – закатываю глаза.

– Нет, они не мои. Это наследие моего отца. Того самого безумца. Я не настолько сумасшедший, чтобы участвовать в гонке на льду. Лёд может уйти в любой момент. Несчастных случаев было мало... но они были. И ты это помнишь.

Он замолкает на секунду, затем бросает мне резкий взгляд:

– Скажи, Лий... что ты собираешься делать, если информация подтвердится? Если он действительно появится

здесь? – в его голосе напряжение.

– Тебе необязательно это знать. Просто... отдай его мне. Вот и всё, – говорю я, тяжело сглатывая.

– С тобой всё будет в порядке? – спрашивает он тихо.

Я лишь киваю. Потому что соврать вслух – не могу.

– Тогда всё нормально, – вздыхает он. – Мне плевать, с кем что случится, пока с тобой всё хорошо.

Уилл... никогда не меняется.

Кукловод «Сломанных Душ»

Моя сломанная игрушка решила восстановиться? Подумала, что может склеить свои трещины? Или... кто-то другой решил чинить его? Как мило. Как смешно. Как недопустимо. Нет, мы не можем позволить этому случиться. Ему так идет его треснутый вид. Мы слишком долго работали над каждым разломом, слишком тщательно вырезали каждую рану, слишком искусно вплетали в него боль, отчаяние, надежду и провал. Я лепил его медленно, пальцами, которые знали, где именно хрустнет душа. Каждая трещина обработана так, чтобы никогда не зажить. Чтобы он всегда помнил, чьими руками был создан. Моя сломанная игрушка не должна думать, что кто-то, кроме меня, способен любить его. Что кто-то, кроме меня, может восстановить его. Что он вообще может восстановиться. Что он – человек. Что он заслуживает хоть что-то хорошее. Нет.

Единственное, что он заслуживает – служить мне. Отра-

батьвать старые грехи. Платить за провалы. Кровоточить из трещин, которые пытается спрятать. Нужно вернуть его с этого блудного пути. Нужно, чтобы боль снова встала у него под кожей. Чтобы звучал тот хруст, который я так люблю. Чтобы он никогда не забывал, кто его создатель. Кто его держит. Кому он принадлежит.

Глава 8. Матиас

Что, блять, я вытворяю? Не знаю. Лечу к женщине, которая перевернула мою жизнь с ног на голову. Спросил ли я себя хоть на секунду, нужно ли мне это. Нет. Потому что когда дело касается её, никаких вопросов не существует. Только действие. Последние дни, проведённые с ней, были, наверное, лучшими в моей жизни. Я не знал, что такое вообще возможно – вот так легко, вот так ярко, вот так... правильно. В моей жизни никогда не было ничего настолько хорошего. Лий – как свет в темноте. Как первый глоток воды в пустыне после долгих лет жажды. Как спасение, которое приходит тогда, когда ты уже смирился, что спасения не будет. Поэтому я не раздумывал ни секунды, когда получил письмо: билеты, время, место и одно предложение – Лий сегодня ночью будет участвовать в ледяных гонках в Швейцарии. В ледяных, мать его, гонках. Один из самых опасных видов спорта, который только может существовать. Да, они легальны. Но даже в самые отчаянные моменты, ради Абы, ради Дики, я бы, наверное, на такое не решился. Но ради Лий – готов на всё.

Рискнуть чем угодно. Пойти куда угодно. Я не могу позволить ей участвовать. Не могу позволить ей рисковать собой так. Я не знаю, кто прислал письмо. Не понимаю, зачем. Не понимаю, во что меня втягивают. Но знаю одно – мне нужно было вылетать сразу. И я вылетел.

Я пытался ей позвонить – недоступна. Приехал в отель – сказали, что она уехала на несколько дней. Эту информацию мне бы никогда не дали, если бы мы не проводили так много времени вместе... если бы она заранее не разрешила сотрудникам отеля сообщать мне, где она.

Я даже не думал. Просто поехал. Чтобы поймать её. Чтобы не дать ей закончить эту безумную ошибку. Чтобы понять, зачем она это делает. Имею ли я право? Нет. Но мне нужно спросить. Мы ведь даже не обсуждали, кто мы друг другу. Мы просто... существуем рядом. Но в тот день, на завтраке, она открылась. Рассказала о своей жизни. О себе. О прошлом. И увидела, как сложно мне даются мои слова. Приняла меня таким, какой я есть – просто Матиаса. Не статус. Не роль. Не прошлое. Меня. И я лучше умру, чем оставлю её там. Лучше умру, чем позволю ей так рисковать собой.

Я всё ещё разгадываю её по кусочкам. Она – самая уникальная из всех, кого я когда-либо встречал. Добрая и яростная. Мягкая и злая. Спокойная и жаждущая адреналина. Светлая и тёмная.

И я принимаю каждую её сторону. Я не хочу, чтобы она рисковала собой ради забавы. Ради вспышки эмоции.

Я поймаю её там. Не позволю участвовать. Заберу обратно – в Колумбию – и трахну так, чтобы она даже не подумала снова рисковать собой. Потому что она – моя хорошая девочка. Потому что с ней во мне открылись стороны, о существовании которых я не подозревал. Потому что рядом с ней я выпускаю своих демонов наружу... и она не боится их. Не моргает. Не отступает. Она смотрит им прямо в глаза. И это, наверное, самое опасное, самое прекрасное и самое разрушительное, что случилось со мной.

Десять с лишним часов полёта – и я, наконец, здесь. Стоит мне выйти из аэропорта, как накатывает странное чувство. Непривычное. Режущее. Это её родина. Её земля. Её дом. Я на её территории.

Ловлю такси и еду по адресу, который был в письме. До гонок всего час. Мне нужно успеть. Нужно увидеть её до старта. Отговорить. Увести. Забрать.

Когда приезжаю, меня на секунду выбивает из реальности красота и масштаб места. И это я ещё только у входа. Что там творится внутри, даже представить страшно.

Показываю охраннику карточку участника. Он сканирует её, поднимает бровь:

– Новенький?

Я лишь киваю. Ещё один охранник протягивает мне бейдж, и я надеваю его на шею. Теперь все знают, что я участник. Чёрт. Мне нужно найти Лий – сейчас же.

Я спрашиваю у охранника, где здесь участники. Он отвечает, что повсюду. Соберутся только у старта – там уже стоят машины. Но мне нужно найти её до старта.

Поэтому я спрашиваю всех подряд – участников, помощников, кого угодно. Одни игнорируют. Другие смотрят так, будто я пыль под ногами. Третьи лишь пожимают плечами. Ни одного ответа. Это место огромное. Она может быть где угодно. До гонок десять минут. Единственный шанс – поймать её у старта.

Я прохожу проверку, меня впускают на лёд. Свою машину сюда привезти нельзя. Никаких махинаций. Все машины предоставляет хозяин этих игр. Сумасшедшие забавы богатых больных ублюдков, которым обычного адреналина мало. Да, гонки легальны. По документам они проходят на обычном льду – там, где снег, холод, земля. Но все, кто в теме, знают: на самом деле это замёрзшая вода. И иногда лёд не выдерживает. Иногда машина уходит под воду вместе с человеком. Иногда спасти не успевают. Иногда успевают, но всё равно поздно. Никто не озвучивает цифры. Это древняя забава. Опасная до безумия. И моей пантере здесь быть не должно.

Я ищу её глазами среди толпы – участников, их команд, менеджеров, случайных людей. И вдруг слышу знакомый голос.

– Очень скоро начнутся гонки, а его нет, Уилл. Значит, информация была недостоверная, – нервно говорит Лий.

Я поворачиваю голову. Она стоит слишком близко к какому-то ублюдку. Он отвечает ей спокойнее:

– Я сомневаюсь, что он рискнул бы участвовать. Возможно, он просто наблюдатель. Или делает ставки. Если он и здесь, то маскируется. Он бы не вышел на общее поле.

Ревность обрушивается на меня так резко, что я едва сдерживаюсь. Я не имею права ревновать – я никто ей. Но это не останавливает.

– Лий, – зову её, подходя ближе.

Она резко оборачивается. Смотрит на меня так, будто я привидение. Как будто не верит, что это действительно я.

– Матиас... – выдыхает она, почти испуганно.

– Что ты здесь делаешь? – подходит ближе, будто проверяя, реальный ли я.

– Потом объясню. Сейчас нам нужно уйти. Ты не можешь участвовать. Это слишком опасно.

– Кто ты такой, блять? – влезает Уилл, делая шаг к нам. Я еле удерживаюсь, чтобы не разнести ему лицо. Игнорирую его и беру Лий за руку.

– Пойдём.

– Что ты здесь забыл? Отвечай, – рычит она.

Я сжимаю губы, заставляя себя говорить спокойно:

– Мне пришло письмо. Там было написано, что ты будешь здесь. И была карточка участника. – Я показываю её.

Уилл резко вырывает её из моих рук.

– Не может быть. Как ты достал это? Приглашения могут

отправить только несколько человек... – он осекается.

– В том числе твой грёбанный брат, Лий.

– Леон? – она хмурится. – У него есть право приглашать? С чего вдруг? Как он связан с гонками?

– С тех пор как ваш отец владеет частью активов организаторов, – отвечает мудака.

– Боже, есть ли хоть что-то в этой стране, куда не лезут руки моего отца... – выдыхает она, сжимая виски.

– Эй, ты, – ублюдок снова тянется ко мне. – Не знаю, зачем Леон прислал тебе приглашение, но мы не берём всех подряд. Возьми свою карточку и убирайся. И Лий, если он вообще был здесь, то, благодаря твоему знакомому, теперь точно ушёл.

Он хватается её за руку. И я перестаю сдерживаться. Хватаю этого сукиного сына за шею и бью головой о стену.

– Слушай сюда, ублюдок, – рычу прямо ему в ухо. – Первое: не смей прикасаться к моей женщине. Второе: не смей так со мной разговаривать. Мне плевать, кто ты. Я тебя просто уничтожу, понял?

Он рвётся, орёт, но я снова бью его об стену. Лоб уже в крови.

– Матиас, что ты делаешь?! – Лий хватается меня за руку. – Отпусти его!

Мне приходится отступить. Он падает, держась за голову.

– Я тебя уничтожу... – стонет он.

– Ты сам спровоцировал его, – холодно отвечает Лий, по-

казывая ему пальцем. А затем смотрит на меня.

– Ты привлёк слишком много внимания. Чёрт. Скажи честно... ты кому-нибудь говорил, что ищешь меня?

– Да. Каждому, кого встречал. Я боялся, что не успею найти тебя до старта.

Она закрывает глаза. Опускает руки. Как будто внутри неё что-то ломается. Потом смотрит на Уилла.

– Делай что хочешь. Он всё равно всё разрушил. Все мои надежды.

Потом смотрит на меня – взглядом, который режет хуже ножа. Чистая злость. Разочарование. Ненависть.

И во мне что-то обрывается. Этот взгляд – худший удар. Я знаю эту боль. Знаю слишком хорошо. Паника начинает душить. Меня тошнит. Я не могу дышать. И единственное, что способно заглушить это – боль, страх, адреналин.

Я слышу объявление о начале гонок. И просто иду. К машине. К номеру, указанному в бейдже. Сажусь. И проваливаюсь в пустоту.

Я не вижу машин вокруг. Не слышу моторов. Не чувствую скорости. Не вижу дороги. Только её голос. Её ненавистный взгляд. Её разочарование.

Когда финиш наконец появляется перед глазами, я резко торможу. Несколько секунд просто дышу. Снова. И снова. Выбираюсь из машины и впервые слышу хаос. Люди кричат. Несколько машин разбились. Две ушли под лёд. Пытаются достать водителей. Кто-то рыдает. Кто-то орёт команды. Я

даже не заметил, как проехал круги. Опускаю руки вдоль тела. Стыд обжигает грудь. Я снова позволил демонам управлять собой. Снова нарушил обещание. Снова рисковал собой. Аба... Дики... если бы я утонул, им бы даже не сообщили. Я бы просто исчез. И всё это – из-за женщины с неземными глазами, которая перевернула не только мою жизнь, но и мою душу.

Я вижу рядом пустую скамейку. Подхожу и сажусь, держа локти на коленях, а руки на голове. Дыхание наконец выравнивается. И самое худшее – то, что меня успокаивает. Танец со смертью. Игра на грани. Тонкая линия, по которой я снова прошёлся. Лёд всё ещё трещит где-то позади меня, но громче – то, как стучит кровь в висках. Слишком быстро, слишком яростно. Как будто я всё ещё лечу по трассе, только теперь управлять некому – я разбиваюсь внутри.

– Матиас!

Сначала кажется, что я это придумал.

– Матиас!

Голос уже совсем близко. Она падает передо мной на колени – прямо в снег. Хватает меня за ворот, за грудь, за лицо – так, будто должна убедиться, что я настоящий, живой, что это не обман.

– Ты... идиот! – её голос дрожит. – Ты мог... ты чуть...

Слеза падает ей на губу. Она резко смахивает её, будто стыдно. Но следом падает другая. И ещё.

Я поднимаю руку и почти не касаясь, проводя по её скуле.

Она вздрагивает – и это не от холода.

– Почему плачешь? – тихо спрашиваю.

Она смотрит на меня – и в этом взгляде столько отчаяния, что я забываю, как дышать. Но затем – вспышка. Тот самый взгляд. Резкий. Жгущий. Обжигающе-ненавидящий. И меня ломает.

– Лий... – слова выдавливаются тяжело. – Почему ты так посмотрела на меня?

Она отводит взгляд.

– Я... была в ярости.

– На кого?

– Неважно.

– На меня?

– Неважно! – почти кричит она.

Я усмехаюсь. Глухо, жестко – потому что боль уже некуда класть.

– Кого ты искала?

– Я сказала...

– Ответь мне.

Она резко толкает меня в грудь. Ладонями – горячими, яростными. Раз. Ещё раз.

– Ты думаешь, это важнее того, что ты рискнул жизнью?!

– Важнее, – отвечаю. – Потому что ты тоже собиралась идти на этот лёд. Ради кого-то...

Она прикусывает губу и пытается встать. Я ловлю её за запястья – быстро, инстинктивно. Она замирает. Дыхание

сбивается. Смотрит на меня так, будто между нами натянута струна, которая может лопнуть от любого движения.

– Ты ревновал? – спрашивает она почти шёпотом.

Конечно чувствует. Она всегда чувствует.

Я наклоняюсь к её уху, слишком близко:

– Я бы разорвал этого человека. Если бы он был здесь.

Её дыхание сбивается. Щёки вспыхивают. Она пытается вырваться – и одновременно тянется ближе.

– Ты не имеешь права, Матиас! Не имеешь права требовать ответов!

– Тогда почему ты дрожишь?

Она стискивает зубы.

– Это не из-за тебя.

– Врёшь. – Я склоняюсь ещё ближе. – Ты побежала ко мне так, будто перестала дышать, пока не увидела меня живым.

Её глаза вспыхивают – смесь стыда, ярости, желания и страха.

– Матиас...

– Скажи, кто он.

– Нет...

– Лий.

– Нет!

Она почти кричит – и сразу же её губы дрожат. Она отворачивается, проводит ладонью по мокрому лицу.

– Это... долг моей семьи, – произносит ровно, но эта ровность – из тех, что трещат по швам. – Он должен нам. Я

должна была его найти.

– Ложь.

Она замирает.

– Так не смотрят из-за долга. Или денег. Или обязанности, – говорю я. – Так смотрят... из-за чего-то другого, важного.

Я делаю шаг. Она – назад. Воздух между нами становится колючим.

– Ты так смотрела, – почти шепчу. – Как будто ненавидела до боли. Или боялась так, что это разрывает изнутри.

Её лицо дёргается. И появляется выражение, которое она почти никогда не показывает – настоящая боль.

– Это не твоё дело, Матиас, – тихо.

И вот это ломает. Не слова. Тон. Не твоё дело. Не для тебя. Не про тебя.

Я отступаю. Она делает едва заметный шаг вперёд – будто хочет удержать.

– Подожди... – её голос срывается.

– Зачем? – спрашиваю. – Чтобы ты снова посмотрела на меня так? Как будто я никто?

Она прикусывает губу до боли.

– Я испугалась за тебя, – шепчет. – Просто... испугалась.

– И разозлилась.

– Да.

– Почему?

– Я не знаю! – кричит она. – Я... не знаю, что со мной!

В её глазах – паника. И что-то ещё. Опасное. Живое. Жгучее.

– Я думала, что ты... что ты... – голос рвётся.

Я наклоняюсь ближе:

– Что я умру?

– Да! Чёрт, да! – она кричит так, будто эти слова режут ей горло. – И эта мысль... она... сделала мне больно!

Она бьёт меня кулаком в грудь. Ещё раз. Сильнее.

– Больно, понимаешь?! А ты... ты...

Я хватаю её за талию и резко притягиваю. Она замолкает, потому что её губы почти касаются моих. Её дыхание горячее, как пар. Её пальцы судорожно сжимаются на моей куртке.

– Лий... если ты не хочешь, чтобы я думал, что между нами что-то есть... – я произношу медленно, будто режу воздух. – Тогда перестань смотреть так.

Она сглатывает.

– А если... я не могу? – шепчет она.

И это... так честно, так голо, что я почти сдаюсь. Но потом вспоминаю. Её взгляд. Её ложь. Её “это не твоё дело”. Я медленно убираю руки с её талии. Она тянется за мной – на полсекунды – и тут же останавливает себя.

– Матиас... – её голос почти исчезает. – Не уходи.

– Я должен, – тихо. – Иначе я сорвусь.

– На кого? – выдыхает она.

– На тебя.

– Тогда... сорвись, – она делает шаг. – Я выдержу.

– Нет, – качаю головой. – Ты выдержишь. А вот я – нет.

Она моргает. Не понимает. А потом... понимает. И её лицо рушится. Я поворачиваюсь и ухожу. Медленно. Чтобы не побежать назад. А за спиной:

– Матиас... пожалуйста...

Тихо. Так, как она никогда не звучала. Но я не оборачиваюсь. Если посмотрю – останусь. А если останусь – потеряю себя.

Я даже не знаю, куда несут меня ноги. Просто иду – иду прочь от неё, потому что если останусь рядом хотя бы ещё минуту, то она добьёт меня не ложью, не ненавистью... а тем, что чувствую к ней я. Потому что её страх за меня, её слёзы, её прикосновения – сильнее любой боли, любого прошлого, любой моей трещины.

И как назло – впереди стоит этот Уилл. Я иду к нему быстро, слишком быстро, будто весь этот гнев сам несёт меня вперёд. Этот ублюдок знает ответы. Он скажет мне то, чего не сказала Лий. Я останавливаюсь прямо перед ним. Смотрю так, что у него дрожит глаз. В моём взгляде – всё: и холод, и ненависть, и ревность, от которой горит грудь. Он коснулся её. Он видел её раньше, чем я. Он знает о ней больше.

– Хочешь знать, что ты выиграл? – ухмыляется он.

– Кого искала Лий? – произношу я ровно.

Он таращится на меня так, будто впервые видит. Потом качает головой, будто заранее знает, во что меня втянет.

– Рядом с тобой женщина, с которой не сравнится никакой приз мира. Да? – говорит он, будто забавляясь.

– Мне не нужен приз. Просто скажи, кого искала Лий, – повторяю я.

– За такие ответы мне могут голову снести, друг мой. Ты даже не представляешь, во что лезешь. И с кем. Так что просто уноси ноги, пока не поздно, – говорит он уже серьёзно, даже слишком.

– Ты не ответишь? Может, мне избить тебя ещё раз? – рычу я, и это даже не угроза. Это голая правда.

– Я не отвечу даже если ты меня пристрелишь, – спокойно говорит он. – Но могу сказать одно: это не тот, кого стоит ревновать. Достаточный ответ?

Он смотрит на меня с такой наигранной важностью, будто только что преподнёс мне тайну мира. Я сжимаю челюсть. Ревность не уходит. Она только глубже врезается под рёбра.

– Тогда почему она собиралась рисковать собой? – спрашиваю. – Почему выходить на лёд, если это «не тот»?

Он усмехается.

– Она не собиралась выходить на лёд. Она изображала. И никто вообще не должен был знать, что она здесь. А ты... ты всё испортил. Ты везде таскал её имя, – произносит он.

И меня отпускает. Точно – отпускает один из моих демонов. Она не собиралась туда. Она не шла на смерть. Я выдыхаю – впервые за этот день.

– Она не причинит тебе зла, – хмыкает он. – По крайней

мере, физически. Но ты ведь уже понял, да? Она не та, после которой ты вернёшься к обычной жизни. Она та, с кем ты будешь сравнивать всех остальных. И никто, слышишь? – никто не будет достаточно хорош для тебя после неё.

Он смотрит куда-то в сторону, с горечью, будто говорит о своей боли.

– Поэтому уходи сейчас. Пока можешь. А если останешься... будь готов, что однажды она уйдёт. Потому что она так любит. Всегда.

– Кто она для тебя? – шепчу я, сжимая кулаки до боли.

Он улыбается криво, слишком честно:

– Первая любовь. Лучший друг. Самый честный человек из всех, кого я встречал.

– А кто ты для неё?

Он наклоняет голову:

– Первый щенок, кому она позволила падать у её ног. Я был первым мужчиной, кого она пустила в свою жизнь, – улыбается он.

И я не выдерживаю. Бью его так, что он отлетает в сторону. Он стонет – и потом... смеётся. Как маньяк.

– Знаешь... – выдыхает он, вытирая кровь. – Я хотел мстить тебе. Но то, как глубоко она застряла у тебя под кожей... вот это и будет моей мстью. С любым удовольствием.

Он смотрит на меня с жалостью.

– У тебя есть два пути, победитель. Забираешь кубок – подписываешь контракт. Станешь постоянным участником

гонок. Или отказываешься – берёшь только деньги.

– Мне ничего от вас не нужно, – бросаю я и иду прочь.

Но он кричит вслед:

– Не будь идиотом! Ты выиграл грёбанные ледяные гонки!

Впервые участвуя в них! Ты их заслужил! Они твои! Забери!

Через секунду он догоняет меня и идёт спиной вперёд, глядя мне в глаза:

– Ты всё равно останешься. Погода ужасная. Деньги будут ждать утром в моём кабинете – спросишь у администратора. Комната для тебя уже готова. Отдохни, чемпион.

Он подмигивает и уходит. Я стою. Дышу глубоко, будто пытаюсь вдохнуть хоть какую-то ясность. Я останусь. Чёрт возьми, я останусь. Но не в этом грёбанном комплексе. Мне нужно привести мысли в порядок. Понять, как дальше жить. Что делать с этой женщиной. С Лий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.